КОНЦЫ

и

НАЧАЛА

ИСКАНДЕРА

съ

предисловіемъ автора.

NORRKOEPING

Tryckt hos **Eric Biornström**

1863

Герцен
Ишк

095
47

Когда, годъ тому назадъ, я писалъ Концы и Начала, я не думалъ ихъ такъ круто заключить. Мнѣ хотѣлось въ двухъ — трехъ послѣдующихъ письмахъ ближе означить „Начала“; „Концы“ казались мнѣ сами по себѣ яснѣе. Сдѣлать этого я не могъ. Строй мыслей измѣнился: событія не давали ни покоя, ни досуга — они принялись за свои комментаріи и за свои выводы. Трагедія продолжаетъ расти передъ нашими глазами и все больше и больше становится изъ частнаго столкновенія — введеніемъ въ міровую борьбу. Прологъ ея окончился, — завязка сложилась хорошо; все перепуталось: ни людей, ни партій узнать не льзя... По неволѣ приходитъ въ голову образъ Дантовскихъ единоборцевъ, въ которомъ члены бойцовъ не только переплелись другъ съ другомъ, но, по какой-то метаморфозѣ, послѣдовательно превращаются другъ въ друга.

Все юношеское, восторженное, — отъ молитвы передъ распятіемъ — до безразсудной отваги, отъ женщины, одѣвшейся въ черное — до тайны, хранимой цѣлымъ народомъ, — все давно увядшее въ старомъ

мірѣ, отъ митры и рыцарскаго меча — до фригійской шапки, явилось еще разъ, во всемъ поэтическомъ блескѣ своемъ, въ возставшей Польшѣ, какъ будто для того, чтобъ украсить молодыми цвѣтами старцевъ цивилизаціи, медленно двигающихся на борьбу, которой они боятся,...

Съ другой стороны, Начала едва пробиваются сквозь дымъ созженныхъ селъ и городовъ.... Здѣсь происходитъ совершенно обратное явленіе.... все отжившее стараго міра поднялось на защиту петербургской имперіи и отстаиваетъ ея неправое стяжаніе всѣми оружіями, оставленными въ наслѣдство дикими вѣками военной расправы и растлѣннымъ временемъ дипломатическихъ обмановъ, — отъ пытокъ и убійства плѣнныхъ — до ложныхъ амнистій и поддѣльныхъ адрессовъ, — отъ татарскаго изгнанія цѣлой части населенія — до журнальныхъ статеекъ и филигранной риторики горчаковскихъ нотъ.

Сотрясеніе послѣдняго времени взболтало тихій омутъ нашъ. Многое, хранившееся въ молчаніи, подъ гробовой доской прошлаго гнета, вышло наружу и обличило всю порчу организма. Только теперь становится возможнымъ измѣрить толщу, которую растлило петербургское императорство, германизируя насъ полтора вѣка. Нѣмецкая лимфа назрѣла въ грубой крови, здоровый организмъ далъ ей свѣжую силу и, зараженный ею, не утратилъ ни одного собственнаго порока.... Безчеловѣчное, узкое безобразіе нѣмецкаго рейтера и мелкая, подлая фигура нѣмецкаго бюралиста — давно срослись у насъ съ широкими, монгольскими скулами, съ звѣриной, безрас-

каянной жестокостью восточнаго раба и византійскаго евнуха. Но мы не привыкли видѣть эту сводную личность внѣ казармъ и канцелярій; она не такъ рѣзко выступала внѣ службы; мало грамотная, она не только мало писала, но и мало читала; — теперь нашъ минотавръ всплылъ не въ дворцахъ и застѣнкахъ, а въ обществѣ, въ литературѣ, въ университетѣ....

Мы думали, что наша литература такъ благородна, что наши профессора такъ апостолы, — мы ошиблись въ нихъ, и какъ это больно; — насъ это возмущаетъ, какъ всякое зрѣлище нравственнаго паденія. Нельзя не протестовать противъ ужасныхъ дѣлъ и ужасныхъ словъ, нельзя не отойти отъ бѣснующихся силъ, отъ безчеловѣчной бойни и еще больше безчеловѣчныхъ рукоплесканій. Можетъ намъ придется вовсе сложить руки, умереть въ своемъ a parte прежде, чѣмъ этотъ чадъ образованной Россіи пройдетъ.... Но, зерна, лежащаго въ землѣ, эта буря не вырветъ и не затронетъ, а пожалуй еще укрѣпитъ его. Восходящей силѣ все помогаетъ: преступленія и добродѣтели, — она одна можетъ пройти по крови не замаравшись и сказать свирѣпымъ бойцамъ: „я васъ не знаю, — вы мнѣ работали, но вѣдь вы работали не для меня.“

Посмотрите на дикаго сатрапа въ Литвѣ: онъ душитъ польскій элементъ, а синія пятна выйдутъ у петербургской имперіи, онъ гонитъ съ мѣста, отталкиваетъ польское дворянство, — а побѣжитъ русское.

Дворники, они не знаютъ кому метутъ, кому расчищаютъ путь, такъ какъ римская волчица не знала кого она кормитъ и что вскармливаетъ. По ихъ кровавой

дорогѣ — пройдетъ тоже если не Ромулъ — то Ремъ, обиженный въ прошедшемъ: ему то и расчищаютъ дорогу и царь и сатрапы.

Но пока онъ явится — еще много прольется крови, еще случится страшное столкновеніе двухъ міровъ. — Зачѣмъ она польется? — конечно, зачѣмъ? Да чтоже дѣлать, что люди не умнѣютъ? событія несутся быстро, а мозгъ вырабатывается медленно. Подъ вліяніемъ темныхъ влеченій, фантастическихъ образовъ, народы идутъ какъ съ просонья — рядомъ неразрѣшимыхъ антиномій, дерутся между собой и доходятъ, ничего не уяснивши себѣ, черезъ полторы тысячи лѣтъ послѣ страшнаго разгрома римскаго міра — до временъ Германика и Алариха, переложенныхъ на нравы XIX вѣка.

Искандеръ.

1 Августа 1863 г.

Письмо первое.

И такъ, любезный другъ, ты рѣшительно дальше не ѣдешь, тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осенней жатвѣ, въ тѣнистыхъ паркахъ, лѣниво колеблющихъ свои листья, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Тебя не страшитъ, что дни уменьшаются, вершины горъ бѣлѣютъ и дуетъ иногда струя воздуха зловѣщая и холодная—ты больше боишься нашей весенней распутицы, грязи по колѣно, дикаго разлива рѣкъ, голой земли, выступающей изъ-подъ снѣга—да и вообще нашего упованья на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго еще мы не сдѣлали..... Что-же, съ богомъ, разстанемся, какъ добрые попутчики, въ любви и совѣтѣ.

.... Тебѣ остается небольшая упряжка, ты пріѣхалъ — вотъ свѣтлый домъ, свѣтлая рѣка, и садъ, и досугъ, и книги въ руки. А я, какъ старая почтовая кляча, затянувшаяся въ гоньбѣ, изъ хомута въ хомутъ, пока грохнусь гдѣ-нибудь между двумя станціями.

Будь увѣренъ, что я вполнѣ понимаю и твой страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ передъ неустройствомъ

ненаѣзженой жизни, и твою привязанность къ выработавшимся формамъ гражданственности и притомъ къ такимъ, которыя могутъ быть лучше—но которыхъ нѣтъ лучше.

Мы вообще, люди европейской, городской цивилизаціи, можемъ жить только по готовому. Городская жизнь насъ пріучаетъ съ малолѣтства къ скрытому, закулисному замиренію и уравновѣшенію нестройныхъ силъ; сбиваясь случайно съ рельсовъ, на которые она насъ вводитъ съ дня рожденія и осторожно двигаетъ, мы теряемся, такъ какъ кабинетный ученый, привыкнувшій къ музеямъ и гербаріямъ, къ звѣрямъ въ шкапу, теряется поставленный лицемъ къ лицу со слѣдами геологическаго переворота или съ густымъ населеніемъ средиземной волны.

Мнѣ случилось видѣть двухъ, трехъ отчаянныхъ ненавистниковъ Европы, возвращавшихся изъ-за океана. Они поѣхали туда, до того оскорбленные реакціей послѣ 1848, до того озлобленные противъ всего европейскаго, что едва останавливались въ Нью-Іоркѣ, торопясь въ Канзасъ, въ Калифорнію. Года черезъ три, четыре они снова явились въ родные кафе и пивныя лавочки старой Европы, готовые на всѣ уступки—лишь-бы не видать дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, ея непочатой почвы, лишь-бы не быть tête à tête съ природой, не встрѣчать ни дикихъ звѣрей, ни змѣй съ гремушками, ни людей съ револьверами. Не надобно думать впрочемъ, что ихъ просто испугала опасность, матеріальная нужда, необходимость работы — и здѣсь мрутъ съ голода не работая, и здѣсь работаютъ по 16 часовъ въ

сутки; а опасность полиціи и шпіонства на старомъ континентѣ превышаетъ опасностъ звѣрей и револьверовъ. Ихъ испугала, утомила пуще всего неочеловѣченная природа, отсутствіе того благоустроеннаго порядка, того, администраціей обезпеченнаго покоя, того художественнаго и эпикурейскаго комфорта, которые обусловливаются долгой жизнію на одномъ мѣстѣ, берегутся сильными полицейскими плотинами, покоятся на невѣжествѣ массъ и защищаются церковью, судомъ и казармами. За эту чечевичную похлебку, *хорошо сервированную*, мы уступаемъ долю человѣческаго достоинства, долю состраданія къ ближнему, и *отрицательно* поддерживаемъ порядокъ, въ сущности намъ противный.

Во Франціи мы видѣли другой примѣръ: беллетристы, жившіе въ риторикѣ, художники, жившіе въ искуствѣ для искуства и для денегъ, были внѣ себя отъ безпокойства, причиненнаго февральской революціей. У насъ есть знакомый учитель пѣнья, который отъ 1848 года переселился изъ Парижа въ Лондонъ, въ отечество горловыхъ болѣзней, бронхитовъ, астмовъ и разговора сквозь зубы,—толко чтобъ не слыхать набата и дѣйствительнаго хора массъ.

Въ теперешней Россіи соединены обѣ причины, заставлявшія людей бѣжать изъ Парижа и изъ Арканзаса. Въ Америкѣ пугала пуще всего *голая* природа, дикая природа, у которой сотвореніе міра на листахъ не обсохло, и которую мы такъ горячо любимъ въ картинахъ и поэмахъ (человѣкъ съ револьверомъ, наивно убивающій ближняго, относится также къ пампамъ, какъ и

наивный тигръ съ своими зубами въ вершокъ величины). Во Франціи, природа ничего, прибрана и выметена, тигры не ходятъ, а виноградъ растетъ; но за то въ 1848 тамъ снова разнуздались страсти и снова покачнулись основы благочинія. У насъ, при непочатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится—все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропилы и вѣхи. Дѣйствительно, если къ нашимъ дѣвственнымъ путямъ сообщенія прибавить мужественные пути наживы чиновниковъ, къ нашей глинистой грязи грязь помѣщичьей жизни, къ нашимъ зимнимъ вьюгамъ зимній дворецъ,—а тутъ генералитетъ, кабинетъ, буфетъ, филаретъ, жандармскій авангардъ цивилизаціи изъ нѣмцевъ—и арьергардъ съ топорами за кушакомъ, съ стихійной мощью, и стихійной неразвитостью — то, сказать откровенно, надобно имѣть сильную зазнобу или сильное помѣшательство, чтобъ по доброй волѣ ринуться въ этотъ водоворотъ, искупающій все неустройство свое пророчествующими радугами и великими образами, постоянно стремящимися изъ-за тумана, который постоянно не могутъ побѣдить.

Зазноба и помѣшательство своего рода таланты, и по волѣ не приходятъ. Одного тянетъ непреодолимо въ водоворотъ, другаго онъ отталкиваетъ брызгами и шумомъ. Штука собственно въ томъ, что иному сонъ милѣе отца и матери, а другому сновидѣніе. Что лучше? Я не знаю; въ сущности и то и другое пожалуй сведется на одинъ бредъ.

Но въ эти философскія общія разсужденія мы съ тобой не пустимся; они-же обыкновенно, тѣмъ или другимъ путемъ, приводятъ къ непріятному заключенію, что валяйся себѣ на перинѣ или безпокойся въ бѣличьемъ колесѣ, полезный результатъ этого будетъ одинъ и тотъ-же, чисто агрономическій: всякая жизнь, какъ поетъ студентская пѣсня, начинается съ Juvenes dum sumus, и оканчивается: Nos habebit humus! Останавливаться на этихъ печальныхъ приведеніяхъ всего на свѣтѣ къ нулю не слѣдуетъ: ты же назовешь эдакъ нигилистомъ, а нынче это крѣпкое слово, замѣнившее гегелистовъ, байронистовъ и пр.

Живой о живомъ и думаетъ. Вопросъ между нами даже не въ томъ, имѣетъ-ли право человѣкъ удалиться въ спокойную среду, отойти въ сторону, какъ древній философъ передъ безумiемъ назарейскимъ, передъ наплывомъ варваровъ. Объ этомъ не можетъ быть спору. Мнѣ хочется только уяснить себѣ, въ самомъ-ли дѣлѣ вѣковыя обители, упроченныя и обросшія западнымъ мохомъ, такъ покойны и удобны, а главное такъ прочны, какъ были, и съ другой стороны нѣтъ-ли въ самомъ дѣлѣ какихъ нибудь чаръ въ нашихъ сновидѣніяхъ подъ снѣжную вьюгу, подъ троичные бубенчики, и нѣтъ-ли основанія этимъ чарамъ?

Было время, ты защищалъ идеи западнаго міра, и дѣлалъ хорошо; жаль только, что это было совершенно не нужно. Идеи Запада, т. е. наука, составляла давнымъ давно всѣми признанный маіоратъ человѣчества; ее гораздо прежде, чѣмъ имѣнье князя Меншикова альмскаго, нельзя было ни продать, ни заложить. Наука

совершенно свободна отъ меридіана, отъ экватора, она какъ гетевскій Диванъ—западно-восточная.

Теперь ты хочешь права маіората перенести и на самыя формы западной жизни, и находишь, что исторически выработанный бытъ европейскихъ бель-этажей одинъ соотвѣтствуетъ эстетическимъ потребностямъ развитія человѣка, что онъ только и даетъ необходимыя условія умственной и художественной жизни, что искуство на Западѣ родилось, выросло, ему принадлежитъ, и что наконецъ другаго искуства нѣтъ совсѣмъ. Остановимся на этомъ сначала.

Пожалуйста не подумай, что съ точки зрѣнія суроваго цинизма и аскетической демагогіи я стану возражать на то мѣсто, которое ты даешь искуству въ жизни. Я съ тобой согласенъ въ этомъ. Искуство — c'est autant de pris; оно, вмѣстѣ съ зарницами личнаго счастья, единственное, несомнѣнное благо наше; во всемъ остальномъ мы работаемъ или толчемъ воду — человѣчества, для родины, для извѣстности, для дѣтей, для денегъ, и притомъ разрѣшаемъ безконечную задачу; — въ искуствѣ мы наслаждаемся, въ немъ цѣль достигнута, это тоже концы.

И такъ, отдавъ Діанѣ эфесской, что Діанѣ принадлежитъ, я тебя спрошу, о чемъ ты собственно говоришь, о настоящемъ или прошедшемъ? О томъ-ли, что искуство развилось на Западѣ, что Дантъ и Бонаротти, Шекспиръ и Рембрандтъ, Моцартъ и Гете были по мѣсту рожденія и по мнѣніямъ западниками? Но объ этомъ никто не споритъ. Или ты хочешь сказать о томъ, что долгая историческая жизнь приготовила и

лучшую арену для искуства, и красивѣйшую раму для него, что хранилищницы въ Европѣ пышнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, галереи и школы богаче, учениковъ больше, учителя даровитѣе, театры лучше обстановлены и пр., и это такъ (или почти такъ, потому что съ тѣхъ поръ какъ большая опера возвратилась къ первобытному состоянію бродячихъ изъ города въ городъ комедіантовъ, одна великая опера и есть überall und niergends). Вся Америка не имѣетъ такого Campo Santo какъ Пиза, но все-же Campo Santo кладбище; къ тому-же довольно естественно, что тамъ, гдѣ было больше коралловъ, тамъ и коралловыхъ рифовъ больше.... Но гдѣ же во всемъ этомъ искуство творческое, живое, гдѣ художественный элементъ въ самой жизни? Вызывать постоянно усопшихъ, повторять Бетховена, играть Федру и Аталію очень хорошо, но ничего не говоритъ въ пользу творчества. Въ скучнѣйшія времена Византіи, на литературныхъ вечерахъ читали Гомера, декламировали Софокла; въ Римѣ берегли статуи Фидіаса и собирали лучшія изваянія наканунѣ Генсериховъ и Алариховъ. Гдѣ-же новое искуство, гдѣ художественная иниціатива? Развѣ въ будущей музыкѣ Вагнера?

Искуство не брезгливо, оно все можетъ изобразить, ставя на всемъ неизгладимую печать дара духа изящнаго и безкорыстно поднимая всякую случайность бытія, всякой звукъ и всякую форму, сонную лужу подъ деревомъ, вспорхнувшую птицу, лошадь на водопоѣ, нищаго мальчика, обожженнаго солнцемъ, въ уровень Мадонъ и полу-боговъ. Отъ дикой, грозной фантазіи ада и страшнаго суда, до фламандской таверны съ своимъ отвер-

нувшимся мужикомъ, отъ Фауста до Фобласа, отъ Requiem'а до Камаринской, все подлежитъ искуству.... Но и искуство имѣетъ свой предѣлъ. Есть камень преткновенія, который рѣшительно не беретъ ни смычокъ, ни кисть, ни рѣзецъ; искуство, чтобъ скрыть свою немоготу, издѣвается надъ нимъ, дѣлаетъ каррикатуры. Этотъ камень преткновенія — мѣщанство... Художникъ, который превосходно набрасываетъ человѣка совершенно голаго, покрытаго лохмотьями, или до того совершенно одѣтаго, что ничего не видать кромѣ желѣза или монашеской рясы, останавливается въ отчаяніи передъ мѣщаниномъ во фракѣ. Отсюда посягательство Роберту Пилю набросить римскую тогу, съ какого нибудь банкира снять сертукъ, галстухъ и отогнуть ему рубашку, такъ что еслибъ онъ послѣ смерти самъ увидѣлъ свой бюстъ, то передъ своей женой покраснѣль-бы до ушей... Роберъ Макеръ, Прюдомъ — великія каррикатуры, иногда геніально вѣрныя, вѣрныя до трагическаго у Диккенса, но каррикатуры; далѣе Гогарта этотъ родъ идти не можетъ. Ванъ-Дикъ и Рембрандтъ мѣщанства — Пуншъ и Шаривари, это его портретная галлерея и лобное мѣсто. Это фамильныя фасты и пилори.

Дѣло въ томъ, что весь характеръ мѣщанства, съ своимъ добромъ и зломъ, противенъ, тѣсенъ для искуства; искуство въ немъ вянетъ какъ зеленый листъ въ хлорѣ, и только всему человѣческому присущія страсти могутъ, изрѣдка врываясь въ мѣщанскую жизнь, или лучше вырываясь изъ ея чинной среды, поднять ее до художественнаго значенія.

Чинный, — это настоящее слово. У мѣщанства, какъ у Молчалина, два таланта и тѣ-же самые „умѣренность и аккуратность. Жизнь средняго состоянія полна мелкихъ недостатковъ и мелкихъ достоинствъ, она воздержна, часто скупа, бѣжитъ крайности, излишняго. Садъ превращается въ огородъ, крытая соломой изба въ небольшой уѣздный домикъ въ разрисованными щитами на ставняхъ, но въ которомъ всякій день пьютъ чай и всякій день ѣдятъ мясо. Это огромный шагъ впередъ, но вовсе не артистическій. Искуство легче сживается съ нищетой и роскошью, чѣмъ съ довольствомъ, въ которомъ видны бѣлыя нитки, чѣмъ съ удобствомъ, составляющимъ цѣль; если на то пошло, оно ближе съ куртизаной, продающей себя, чѣмъ съ нравственной женщиной, продающей въ тридорога чужой трудъ, вырванный у голода. Искуству не по себѣ въ чопорномъ, слишкомъ прибраномъ, расчетливомъ домѣ мѣщанина, а домъ мѣщанина долженъ быть таковъ; искуство чуетъ, что въ этой жизни оно сведено на роль внѣшняго украшенія, обоевъ, мебели, на роль шарманки, мѣшаетъ — прогонятъ, захотятъ послушать — дадутъ грошъ, и квитъ... Искуство, которое по преимуществу изящная соразмѣрность, не можетъ выносить аршина, этой самодовольной въ своей ограниченной посредственности жизни, запятнанной въ его глазахъ самымъ страшнымъ пятномъ въ мірѣ — вульгарностью.

Но это нисколько не мѣшаетъ всему образованному міру идти въ мѣщанство, и авангардъ его уже пришелъ. Мѣщанство — идеалъ, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна. Это та „ку-

рица во щахъ," о которой мечталъ Генрихъ IV. Маленькой домъ съ небольшими окнами на улицу, школа для сына, платье для дочери, работникъ для тяжелой работы, да это въ самомъ дѣлѣ гавань спасенія — Havre de Grace!

Прогнанный съ земли, которую обработывалъ вѣка для барина, потомокъ разбитаго въ бою селянина, осужденный на вѣчную каторгу, голодъ — бездомный поденщикъ, батракъ родящійся нищимъ и нищимъ умирающій только дѣлаясь собственникомъ, хозяиномъ, буржуа, отираетъ потъ и безъ ужаса смотритъ на дѣтей; его сынъ не будетъ отданъ въ пожизненную кабалу изъ за хлѣба, его дочь не обрѣчена ни фабрикѣ, ни публичному дому. Какъ-же ему не рваться въ мѣщане? — Идеалъ хозяина, лавочника, этихъ рыцарей, этихъ поповъ средняго состоянія, носится свѣтлымъ образомъ передъ глазами поденщика до тѣхъ поръ, пока его заскорузлыя и усталыя руки не опустятся на надломленную грудь, и онъ не взглянетъ на жизнь съ тѣмъ ирландскимъ покоемъ отчаянія, которое исключаетъ всякую мечту, всякое ожиданіе, кромѣ мечты о цѣломъ полуштофѣ виски въ слѣдующее воскресенье.

Мѣщанство, послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности,— демократизація аристократіи, — аристократизація демократіи; въ этой средѣ Альмавива равенъ Фигаро,— снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего вверху, а

мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крестьянинъ — мѣщанинъ хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ — будущій мѣщанинъ. Италія, самая поэтическая страна въ Европѣ, не могла удержаться, и тотчасъ покинула своего фанатическаго любовника Маццини, измѣнила своему мужу-геркулесу — Гарибальди, лишь только геніальный мѣщанинъ Кавуръ, толстенькой, въ очкахъ, предложилъ ей взять ее на содержаніе.

Съ мѣщанствомъ стираются личности, но стертые люди сытѣе; платья дюжинныя, незаказныя, не по таліи, но число носящихъ ихъ больше. Съ мѣщанствомъ стирается красота породы, но ростетъ ея благосостояніе. Античный бѣднякъ изъ Транстевере употребляется на черную работу гунявымъ лавочникомъ Via del Corso. Толпа гуляющихъ въ праздничной день въ Елисейскихъ Поляхъ, Кенсингтонъ-Гарденѣ, собирающихся въ церквахъ, въ театрахъ наводитъ унынie пошлыми лицами, тупыми выраженіями; но для гуляющихъ въ Елисейскихъ Поляхъ и для слушающихъ проповѣди Лакордера и пѣсни Левассора до этого дѣла нѣтъ; они даже этого не замѣчаютъ. Но что для нихъ очень важно и замѣтно, это-то, что отцы и старшіе братья ихъ не въ состоянiи были идти ни на гулянье, ни въ театръ, а они могутъ; что тѣ иногда ѣздили на козлахъ каретъ, а они сами ѣздятъ и очень часто въ фіакрахъ.

Во имя этого мѣщанство побѣдитъ, и должно побѣдить. Нельзя сказать голодному—тебѣ больше къ лицу голодъ, не ищи пищи. Господство мѣщанства, отвѣтъ на освобожденіе безъ земли, на открѣпленіе людей и прикрѣпленіе почвы малому числу избран-

ныхъ. Въ сильно обозначенныхъ личностяхъ, въ оригинальныхъ умахъ, нѣтъ никакой необходимости. Наука не можетъ не натолкнуться на ближайшія открытія,— фотографія, эти органы живописи, замѣняетъ артиста; хорошо если явится художникъ съ творчествомъ, но вопіющей нужды въ немъ нѣтъ. Красота, талантъ, — вовсе ненормальны. Это исключеніе, роскошь природы, высшій предѣлъ, или результатъ большихъ усилій, цѣлыхъ поколѣній. Стать лошадей Дерби, голосъ Маріо, — это рѣдкости. Но хорошая квартира и обѣдъ — необходимость. Въ самой природѣ можно сказать бездна мѣщанскаго; она очень часто останавливается на середкѣ на половину — видно дальше идти духу не хватаетъ. Кто тебѣ сказалъ, что у Европы хватитъ?

Европа провела дурные четверть часа — мѣщанство чуть не лишилось плодовъ долгой жизни, долгихъ усилій, труда.... внутри человѣческой совѣсти поднялся какой-то неопредѣленный, но страшный протестъ. Мѣщане вспомнили войны свои за права, войны съ крестьянами, вспомнили героическія времена и библейскія преданія. Ѳома Мюнстеръ, Ремъ, Авель были еще разъ усмирены, и на ихъ могилахъ еще долго будетъ расти трава, въ предупрежденіе того, какъ караетъ самодержавное мѣщанство. Все съ тѣхъ поръ пришло въ свой порядокъ; онъ проченъ, онъ раціоналенъ изъ своихъ началъ, онъ силенъ ростомъ, но артистическаго смысла, но художественной струны въ немъ не прибыло — онъ ихъ и не ищетъ; онъ слишкомъ практиченъ; онъ согласенъ съ Екатериной II, что серьезному человѣку не идетъ хо-

рошо играть на фортепьянахъ, — императрица тоже смотрѣла на мущинъ съ практической точки зрѣнія. Для цвѣтовъ его гряды слишкомъ унавожены; для его грядъ цвѣты слишкомъ безполезны; если онъ иногда роститъ ихъ, то это на продажу.

Весной 1850 года, я искалъ въ Парижѣ квартиру, тогда я уже на столько обжился въ Европѣ, что мнѣ опротивила тѣснота и давка цивилизаціи, которая сначала очень нравится намъ русскимъ; я съ ужасомъ смѣшаннымъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на безпрестанно двигающуюся, кишащую толпу, предчувствуя какъ она у меня отниметъ полмѣста въ театрѣ, въ дилижансѣ, какъ она бросится звѣремъ въ вагоны, какъ нагрѣетъ и насытитъ собою воздухъ — а по этому я и квартиру искалъ не на юру, и сколько-нибудь не похожую, на уютно-пошлыя и убійственно-однобразныя квартиры — въ три спальни, à trois chambres à coucher de maître.

Мнѣ кто-то указалъ флигель большаго, стараго дома по ту сторону Сены, въ самомъ С.-Жерменскомъ предмѣстьи или около. Я пошелъ туда. Старуха жена дворника взяла ключи и повела меня дворомъ. Домъ и флигель стояли за оградой; внутри двора, за домомъ чахло зеленѣли какія-то деревья. Флигель былъ неубранъ, запущенъ, вѣроятно въ немъ много лѣтъ никто не жилъ. Полустаринная мебель, времени первой имперіи, съ римской прямолинейностью и почернѣлой позолотой. Флигель этотъ былъ не великъ, не богатъ, но расположеніе комнатъ, мебель, все указывало на иное понятіе объ удобствахъ жизни. Возлѣ небольшой гостинной была еще крошечная, совершенно въ сторонѣ,

близь спальной, кабинетъ съ шкапами для книгъ и большимъ письменнымъ столомъ. Я походилъ по комнатамъ, и мнѣ показалось, что я послѣ долгаго скитанья, снова встрѣтилъ человѣческое жилье, un chez soi, а н е н у м е р ъ, не людское стойло.

Это замѣчаніе можно распространить на все, на театры, на гулянья, на трактиры, на книги, на картины, на платье, все степенью понизилось и страшно возросло числомъ. Толпа, о которой я говорилъ, лучшее доказательство успѣха, силы, роста, она прорываетъ всѣ плотины, наполняетъ все и льется черезъ край. Она всѣмъ довольствуется, и всего ей мало, Лондонъ тѣсенъ, Парижъ узокъ. Сто прицѣпленныхъ вагоновъ недостаточны, сорокъ театровъ—мѣста нѣтъ; для того чтобъ лондонская публика могла видѣть п ь э с у, надобно ее давать къ ряду три мѣсяца.

— Отчего у васъ такъ плохи сигары? спросилъ я одного лондонскаго торговца.

— Трудно доставать, да и хлопотать не стоитъ, знатоковъ мало, а богатыхъ знатоковъ еще меньше.

— Какъ не стоитъ? вы берете 8 пенсовъ за сигару.

— Это у насъ почти никакого расчета не дѣлаетъ. Ну вы и еще десять человѣкъ будутъ покупать у меня, много-ли барыша? Я въ день, сигаръ по 2 и по 3 пенса, больше продамъ чѣмъ тѣхъ въ годъ. Я ихъ совсѣмъ не буду выписывать.

Вотъ человѣкъ, постигнувшій духъ современности. Вся торговля, особенно англійская, основана теперь на количествѣ и дешевизнѣ, а вовсе не на качествѣ, какъ думаютъ старожилы, покупавшіе съ уваженіемъ тульскіе

перочинные ножики, на которыхъ была англійская фирма. Все получаетъ значеніе гуртовое, оптовое, рядское, почти всѣмъ доступное, но недопускающее ни эстетической отдѣлки, ни личнаго вкуса. Возлѣ, за угломъ, вездѣ дожидается стотысячиголовая гидра, готовая безъ разбора все слушать, все смотрѣть, всячески одѣться, всѣмъ наѣсться—это та самодержавная толпа, сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст. Миля, которая все покупаетъ и потому всѣмъ владѣетъ; толпа безъ невѣжества, но и безъ образованія, для нее искуство кричитъ, машетъ руками, лжетъ, экзажерируетъ, или съ отчаянья отварачивается отъ людей и рисуетъ звѣриныя драмы и портреты скота, какъ Ланширъ и Роза Бонеръ.

Видѣлъ-ли ты въ Европѣ актера, одного актера, который бы не былъ гаеръ, паяцъ сентиментальности или паяцъ шаржи? Назови его!

Эпохѣ, которой послѣднее выраженіе въ звукахъ Верди, на роду могло быть написано много хорошаго, но навѣрное не художественное призваніе. Ей совершенно по плечу ея созданье — cafés chantants, амфибія между полпивной и бульварнымъ театромъ. Я ничего не имѣю противъ cafés chantants, но не могу-же я имъ дать серьозное артистическое значеніе, они удовлетворяютъ общему „костюмеру,“ какъ говорятъ англичане, общему потребителю, давальцу, стоглавой гидрѣ мѣщанства, чего-же больше?

Выходъ изъ этого положенія далекъ. За большинствомъ теперь господствующимъ, стоитъ е щ е б о л ь ш е е большинство кандидатовъ на него, для которыхъ нравы,

понятія, образъ жизни мѣщанства, единственная цѣль стремленій, ихъ хватитъ на десять перемѣнъ. Міръ безземельный, міръ городскаго преобладанія, до крайности доведеннаго права поземельной собственности, не имѣетъ другаго пути спасенія и весь пройдетъ мѣщанствомъ, которое въ нашихъ глазахъ, страшно отстало, а въ глазахъ полеваго населенія и пролетаріевъ, представляетъ образованность и развитіе. Забѣжавшіе впередъ, живутъ въ крошечныхъ кругахъ въ родѣ свѣтскихъ монастырей, не занимаясь тѣмъ что дѣлаютъ міряне за стѣной.

Было это и прежде, но и размѣры и сознаніе было меньше, къ тому-же прежде были идеалы, вѣрованія, слова, отъ которыхъ билось и простое сердце бѣднаго гражданина, и надменнаго рыцаря, и богатаго купца; у нихъ были общія святыни, передъ которыми, какъ передъ дарами, склонялись всѣ. Гдѣ тотъ псалмъ, который могутъ въ наше время съ вѣрой и увлеченіемъ пѣть, во всѣхъ этажахъ дома отъ подвала до мансарды, гдѣ наша Gottes feste Burg или Марсельеза?

Когда Ивановъ былъ въ Лондонѣ, онъ съ отчаяніемъ говорилъ о томъ, что ищетъ новый, религіозный типъ и нигдѣ не находитъ его въ окружающемъ мірѣ. Чистый артистъ, боявшійся какъ клятвопреступленія солгать кистью, прозрѣвавшій больше фантазіей чѣмъ анализомъ, онъ требовалъ, чтобъ мы ему указали, гдѣ тѣ живописныя черты, въ которыхъ просвѣчиваетъ новое искупленіе. Мы ему ихъ не указали. „Можетъ укажетъ Маццини,“ думалъ онъ.

Маццини ему указалъ бы на „единство Италіи“ тогда,

можетъ на Гарибальди въ 1861 году, какъ на предтечу, — на этого великаго послѣдняго.

Ивановъ умеръ стучась—такъ дверь и не отверзлась ему.

Isle of Wight, 10 Іюня 1862.

Письмо второе.

Кстати къ Маццини. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появился первый томъ полнаго собранія его сочиненій. Вмѣсто предисловія или своихъ записокъ, Маццини связалъ статьи, писанныя въ разныя времена, рядомъ пополненій; въ этихъ пояснительныхъ страницахъ бездна самаго живаго интереса. Поэма его монашескаго житія, посвященнаго одному богу и одному служенію, раскрывается сама собою въ разбросанныхъ отмѣткахъ — безъ намѣренія, можетъ больше, чѣмъ онъ хотѣлъ.

Энтузіастъ, фанатикъ, съ кровью лигура въ жилахъ, Маццини отрокомъ безвозвратно отдается великому дѣлу освобожденія Италіи — и этому дѣлу остается вѣренъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, ога e sempre, какъ говоритъ его девизъ: тутъ его юность, любовь, семья, вѣра, долгъ. Мужъ единой жены, онъ ей не измѣнилъ, и сѣдой, исхудалый, больной, онъ удерживаетъ смерть, онъ не хочетъ умереть прежде, чѣмъ Римъ не будетъ столицей единой Италіи, и левъ С.Марка не разорветъ на лоскутки развѣвающуюся надъ нимъ черно-желтую тряпку.

Свидѣтельство такого человѣка, и притомъ гонителя

скептицизма, соціализма, матеріализма, человѣка жившаго всѣми сердцебіеніями европейской жизни въ продолженіи сорока лѣтъ, чрезвычайно важно.

Послѣ первыхъ пансіонскихъ увлеченій всякой ревлюціонной карьеры, послѣ поэзіи заговоровъ, таинственныхъ формулъ, свиданій ночью, клятвъ на необагренныхъ кинжалахъ, молодаго человѣка беретъ раздумье.

Какъ ни увлекаетъ южную, романскую душу обстановка и ритуалъ, серьозный и аскетическій Маццини скоро разглядываетъ, что въ карбонаризмѣ гораздо больше пріемовъ, обрядовъ, чѣмъ дѣла, больше сборовъ и приготовленій, чѣмъ пути. Давно догадались и мы, что политическая литургія священно-служителей конспираціи, какъ и церковная литургія, — одно драматическое представленіе: сколько чувствъ и искренности ни вносятъ священники иногда въ службу, все же агнецъ закалается въ хлѣбѣ и истекаетъ виномъ. Но Маццини это замѣтилъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ.

Дойдя до этого, молодому карбонару было трудно остановиться. Вглядываясь въ недавнія событія рухнувшейся имперіи, свидѣтель монархическихъ реставрацій революціи, конституціонныхъ попытокъ и республиканскихъ неудачъ, Маццини пришелъ къ заключенію, что у современной европейской жизни нѣтъ, какъ онъ выразился, „никакой иниціативы,“ что консерваторская идея и идея революціонная имѣютъ только отрицательное значеніе: одна ломаетъ — не зная для чего, другая хранитъ — не зная для чего; что во всемъ, что дѣ-

лается (а дѣлалась тогда революція тридцатаго года) нѣтъ ничего чинополагающаго новый порядокъ дѣлъ.

Въ этихъ словахъ будущаго соперника папы есть звуки погребальнаго колокола, въ который ударялъ Местръ, другъ папы.

Пустота, которую ощущалъ Маццини — понятна.

Приливъ революціоннаго моря поднимался торжественно въ 1789 и не мучимый никакими сомнѣніями, затоплялъ старую весь; но когда все было покрыто его волнами, и на минуту всплывшія головы безъ туловища, (и въ томъ числѣ одна въ коронѣ), митры безъ головы и шляпы съ плюмажемъ — пошли на дно, тогда впервые почувствовался какой-то страшный просторъ отсутствія. Освобожденныя силы разъѣдали друга, потомъ устали и остановились — имъ нечего было дѣлать, онѣ ждали событія дня, какъ поденщики ждутъ работы. Постоянныя войска эти во время мира кипѣли боевой энергіей, но не было боя, а главное — не было ясной цѣли. А если цѣли нѣтъ, все можетъ быть цѣлью: Наполеонъ ихъ увѣрилъ, что онъ цѣль, что война цѣль, и отлилъ больше человѣческой кровью, чѣмъ напоръ волнъ революціонныхъ прилилъ идеями.

Маццини понялъ это, и прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ, онъ посмотрѣлъ за политическія стѣны; тамъ ему встрѣтился колоссальный эгоизмъ Гете, его покойное безучастіе, его любознательность естествоиспытателя въ дѣлахъ человѣческихъ. Тамъ ему встрѣтился гложущій себя колоссальный эгоизмъ Байрона.

Поэзія презрѣнія возлѣ поэзіи созерцанія; плачъ,

смѣхъ, гордое бѣгство и отвращеніе отъ современнаго міра — возлѣ гордаго довольства въ немъ. Герои Байрона поражаютъ Маццини; онъ ищетъ, откуда ведутъ свое начало эти странные отшельники, безъ религіи и монастыря, сосредоточенные на себѣ, ненужные, несчастные, безъ дѣла, безъ родины, безъ интересовъ, эгоисты и аскеты, готовые на жертвы, которыхъ не умѣютъ принести, готовые презирать себя въ качествѣ людей. И снова Маццини наталкивается на туже причину. Въ байроновскихъ герояхъ не достаетъ объективнаго идеала, вѣры; мечта поэта, отвернувшись отъ безплодной, отталкивающей среды, была сведена на лиризмъ психическихъ явленій, на внутрь вошедшіе порывы дѣятельности, на больные нервы, на тѣ духовныя пропасти, гдѣ сумасшествіе и умъ, порокъ и добродѣтель теряютъ свои предѣлы и становятся привидѣніями, угрызеніями совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненнымъ упоеніемъ.

Успокоиться на этомъ свидѣтельствѣ болѣзни дѣятельный духъ Маццини не могъ. Ему во что бы ни стало хотѣлось сыскать слово новой вѣры, иниціативу,— онъ и сыскалъ ихъ.

Теперь рычагъ въ его рукахъ. Онъ повернетъ міръ, онъ пересоздастъ Европу, замѣнитъ гробъ колыбелью, разрушителей сдѣлаетъ зодчими, разрѣшитъ противурѣчіе общества и лица, свободы и авторитета, дастъ сердцу вѣру, не отнимая у разума — разумъ.... Что-же, ты думаешь, это *magnum ignotum*? — Единство и освобожденіе Италіи съ древнимъ Римомъ въ центрѣ.

Тутъ, само собою разумѣется, нѣтъ мѣста ни разбору, ни критикѣ. Не оттого-ли, что Маццини предвидѣлъ новое откровеніе, новое искупленіе міра въ итальянскомъ risorgimento, онъ не предвидѣлъ одного — именно Кавура? Кавура онъ долженъ былъ ненавидѣть больше, чѣмъ Антонелли. Кавуръ былъ прозаическимъ переводомъ его поэмы, онъ выполнилъ одну будничную часть мацциніевской программы, за Римомъ и Венеціей à la longue дѣло не станетъ. Кавуръ — это итальянская Марѳа, мѣшающая хозяйственными дрязгами единой мечтѣ итальянской Маріи. И въ то время, когда Марія съ умиленіемъ видѣла искупленіе міра въ освобождающейся Италіи, Марѳа кроила для Италіи бельгійскій костюмъ, и страна, довольная, что конституція не жметъ ее, пошла себѣ по торной, западной колеѣ, по большому торговому тракту, а по немъ не доѣдешь ни до какого пересозданія міра, не пустившись въ опасный бродъ.

Фанатикъ Маццини ошибался; колоссальность его ошибки сдѣлала возможнымъ соизмѣримаго Кавура и единую Италію. Для насъ впрочемъ вовсе не важно, какъ онъ разрѣшилъ вопросъ; для насъ важно то, что западный человѣкъ, какъ только становится на свои ноги и освобождается отъ готовыхъ формулъ, какъ только начинаетъ вглядываться въ современное состояніе Европы — чувствуетъ неловкость, чувствуетъ, что что-то не туда идетъ, что развитіе дало въ сторону. Обмануть это чувство замѣною недостающаго начала началомъ національности — легко могутъ революціонеры и консерваторы, особенно если по счастью

ихъ родина будетъ покорена. Но что-же дальше? Что дѣлать, возстановивши независимость своего народа? Или что дѣлать, когда она и безъ того независима?

Маццини, сознавая какую-то пустоту демократической мысли, указываетъ на освобожденіе Италіи отъ „тедесковъ.“ Ст. Миль видитъ, что все около него пошлѣетъ, мельчаетъ, съ отчаяніемъ смотритъ на подавляющія массы какой-то паюсной икры, сжатой изъ миріадъ мѣщанской мелкоты безъ иниціативы, безъ пониманья, но и безъ австрійскаго ига, безъ папы и неаполитанскаго Бурбона. Тутъ что дѣлать?

....Я предчувствую гнѣвъ нашихъ крѣпостныхъ людей, приписанныхъ къ научнымъ фабрикамъ и схоластическимъ заводамъ; я вижу, какъ они бѣлымъ днемъ яростно смотрятъ на меня своими ночными глазами филина и говорятъ: „что онъ за вздоръ несетъ! какъ будто исторія можетъ дать въ сторону, какъ будто она не двигается по своимъ законамъ, какъ планеты, которыя никогда не даютъ въ сторону и не срываются съ орбитъ.“

На послѣднее можно сказать, что всякое бываетъ, и нѣтъ причины, чтобъ иной разъ планета и не сорвалась. У Сатурна кольцо уцѣлѣло и вертится съ нимъ; у Юпитера оно лопнуло, и изъ него сдѣлались бусы мѣсяцовъ. Но вмѣсто обсерваторіи стоитъ заглянуть въ любую больницу, чтобъ видѣть, какъ живые организмы даютъ въ сторону, развиваются въ своемъ отклоненіи и доводятъ его до относительнаго совершенства, искажая, а иногда и убивая весь организмъ. Шаткое равновѣсіе всего живаго колеблется и до нѣкоторой степени уступаетъ уклоненіямъ; но еще шагъ въ ту-же

сторону,—и худо стянутый узелъ связующій ихъ, развязанъ, и освобожденные элементы идутъ въ другія сочетанія...

Разумѣется, что общіе законы остаются тѣже, но въ частныхъ приложеніяхъ они могутъ разниться до совершенно противуположныхъ явленій. Повинуясь одному и тому-же закону, пухъ летаетъ, а свинецъ падаетъ.

При отсутствіи плана и срока, аршина и часовъ—развитіе въ природѣ, въ исторіи не то что *не можетъ* отклониться, но *должно* безпрестанно отклоняться, слѣдуя всякому вліянію и въ силу своей безпечной страдательности, происходящей отъ отсутствія опредѣленныхъ цѣлей. Въ отдѣльномъ организмѣ иногда отклоненіе даетъ себя знать болью; и тутъ часто боль является слишкомъ позднимъ предостереженіемъ. Сложные, сводные организмы сбиваются съ своихъ діагоналей и уносятся по скатамъ, вовсе не замѣчая ни дороги, ни опасности, рѣдко имѣя возможность остановить отклонившееся, удержать забѣжавшее или нагнать его, да рѣдко имѣя и желаніе на то: желаніе предполагало-бы всякій разъ сознаніе и цѣль.

Сознаніе съ своей стороны очень далеко отъ практическаго приложенія. Боль не лѣчитъ, а вызываетъ лѣченье. Патологія можетъ быть хороша, а терапія скверная; можно вовсе не знать медицины и ясно видѣть болѣзнь. Требованіе лекарства отъ человѣка, указывающаго на какое-нибудь зло, чрезвычайно опрометчиво. Христіане, плакавшіе о грѣхахъ міра сего, соціалисты, раскрывшіе раны быта общественнаго, и мы, *недовольные*, *неблагодарные* дѣти цивилизаціи, мы

вовсе не врачи — мы боль; что выйдетъ изъ нашего кряхтѣнія и стона, мы не знаемъ, — но боль заявлена.

Передъ нами цивилизація, послѣдовательно развившаяся на безземельномъ пролетаріатѣ, на безусловномъ правѣ собственника надъ собственностію. То, что ей пророчилъ Сіэсъ, то и случилось: среднее состояніе сдѣлалось всѣмъ—на условіи владѣть чѣмъ нибудь. Знаемъ-ли мы, какъ выйти изъ мѣщанскаго государства въ государство народное, или нѣтъ—все же мы имѣемъ право считать мѣщанское государство одностороннимъ развитіемъ, уродствомъ.

Подъ словомъ уродства, болѣзни, мы разумѣемъ что-то не естественное, противузаконное, не отдавая себѣ отчета, что уродство и болѣзнь естественнѣе нормальнаго состоянія, представляющаго алгебраическую формулу организма, отвлеченіе, обобщеніе, идеалъ, собранный изъ разныхъ частностей — исключеніемъ случайностей. Отклоненіе и уродство подзаконны тому-же закону, какъ и организмы; въ ту минуту, когда бы они освободились отъ него, организмъ бы умеръ. Но сверхъ общей подзаконности, они еще состоятъ на особыхъ правахъ, имѣютъ свои частные законы, послѣдствія которыхъ опять-таки ны имѣемъ право выводить, безъ всякихъ ортопедическихъ возможностей поправлять. Видя, что у жирафа передняя часть развита односторонно, мы могли догадаться, что это развитіе сдѣлано на счетъ задней части, и что въ силу этого въ его организмѣ непремѣнно будетъ рядъ недостатковъ, соотвѣтствующихъ его одностороннему разви-

тію, но которые для него естественны и относительно нормальны.

Переднюю часть европейскаго камелеопардала составляетъ мѣщанство — объ этомъ можно-бы было спорить, еслибъ дѣло не было такъ очевидно; но однажды согласившись въ этомъ, нельзя не видать всѣхъ послѣствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку. Противъ него равно будетъ несостоятельна нелѣпость родовой аристократіи и несчастье родоваго пролетаріата. Правительство должно умереть съ голоду или сдѣлаться его прикащикомъ; у него на пристяжкѣ пойдутъ его товарищи по непроизводительности, опекуны несовершеннолѣтняго рода человѣческаго: адвокаты, судьи, нотаріусы и пр. Вмѣстѣ съ его господствомъ разовьется пониженіе всего нравственнаго быта, и Ст. Миль на пр. вовсе не преувеличивалъ, говоря о съуживаніи ума, энергіи, о стертости личностей, о постоянномъ мельчаніи жизни, о постоянномъ исключеніи изъ нея общечеловѣческихъ интересовъ, о сведеніи ея на интересы торговой конторы и мѣщанскаго благосостоянія. Миль прямо говоритъ, что по этому пути Англія сдѣлается Китаемъ — мы только къ этому прибавимъ: и не одна Англія.

Можетъ какой нибудь кризисъ и спасетъ отъ китайскаго маразма. Но откуда онъ придетъ, какъ, и вынесетъ-ли его старое тѣло или нѣтъ? Этого я не знаю, да и Ст. Миль не знаетъ. Опытъ насъ проучилъ; осторожнѣе Маццини, мы смиренно держимся точки зрѣнія

прозектора. Лекарствъ не знаемъ, да и въ хирургію мало вѣримъ.

Мнѣ-же особенно посчастливилось: мѣсто въ анатомическомъ театрѣ досталось славное и возлѣ самой клиники; не стоило смотрѣть въ атласъ, ни ходить на лекціи парламентской терапіи и метафизической патологіи; болѣзнь, смерть и разложеніе совершались передъ глазами.

Агонія іюльской монархіи, тифъ папства, преждевременное рожденіе республики и ея смерть, за февральскими сумерками іюньскіе дни, вся Европа въ припадкѣ лунатизма, сорвавшаяся съ крыши пантеона въ полицейскую лужу! Десять лѣтъ въ обширнѣйшемъ музеѣ патологической анатоміи—на Лондонской всемірной выставкѣ образцовъ всѣхъ прогрессивныхъ партій въ Европѣ, рядомъ съ туземными образцами всѣхъ консерватизмовъ со временъ Іудейскихъ первосвященниковъ до Шотландскихъ пуританъ.

Десять лѣтъ!

Былъ досугъ всмотрѣться въ эту жизнь, въ то, что дѣлалось вокругъ; но мое мнѣніе не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ сорокъ восьмомъ году я осмѣлился, еще съ нѣкоторымъ ужасомъ, разобрать на лбу этихъ людей цицероновское vixerunt!

Съ каждымъ годомъ я бьюсь болѣе и болѣе объ непониманіе здѣшнихъ людей, объ ихъ равнодушіи ко всѣмъ интересамъ, ко всѣмъ истинамъ, объ легкомысленную вѣтренность ихъ стараго ума, объ невозможность растолковать имъ, что рутина не есть безаппелаціонный критеріумъ, и привычка — не доказательство. Иногда

я пріостанавливаюсь, мнѣ кажется что худшее время прошло, я стараюсь быть непослѣдовательнымъ: мнѣ кажется напримѣръ — будто сгнетенное слово во Франціи выростаетъ въ мысль, я жду, надѣюсь.... бываетъ же иногда и исключеніе.... будто что-то брезжитъ.... нѣтъ, ничего!

И этого никто не чувствуетъ.... на тебя смотрятъ съ какой-то жалостью, какъ на поврежденнаго.... мнѣ только случилось встрѣчать старыхъ стариковъ—какъ-то очень грустно качавшихъ сѣдой головой.

Этимъ старикамъ было видимо неловко съ своими чужими, съ сыновьями и внучатами....

....Да, caro mio, есть еще въ здѣшней жизни великій типъ для поэта, типъ вовсе непочатой.... Тотъ художникъ, который здѣсь всмотрится въ Дѣдовъ и Внучатъ, въ Отцовъ и Дѣтей и безбоязненно, безпощадно воплотитъ ихъ въ черную, страшную поэму —тотъ будетъ надгробный лауреатъ этого міра.

Типъ этотъ — типъ Донъ Кихота революціи, старика 89 года, доживающаго свой вѣкъ на хлѣбахъ своихъ внучатъ, разбогатѣвшихъ французскихъ мѣщанъ—онъ не разъ наводилъ на меня ужасъ и тоску.

Ты подумай объ немъ, и у тебя волосъ станетъ дыбомъ.

Isle of Wight, Cowes, 20 Іюля 1862.

Письмо третье.

...Фу какое отвратительное лѣто, холодъ, темнота, слякоть, постоянные вѣтры, нервы раздражены, носо-

вая перепонка тоже и все это продолжается три мѣсяца, а предъ ними были семь предшественниковъ ихъ, по ту сторону вступленія въ знакъ овна!

Наконецъ-то солнце явилось на безоблачномъ небѣ. Море разгладилось и блеститъ, я сижу у своего окна, въ крошечной фермѣ и не могу наглядѣться, такъ давно я не видѣлъ солнца и дали. Сегодня даже тепло. Я просто обрадовался, увидя что природа еще цѣла; за то пиръ-горой: шмели, пчелы, птицы летаютъ, жужжатъ, поютъ, шумятъ, на дворикѣ фермы кричитъ во все горло просохнувшій пѣтухъ, и старая собака, забывъ лѣта и общественное положеніе, лежитъ на спинѣ какъ щенокъ, задравши ноги вверхъ и покачивается изъ стороны въ сторону, съ невольнымъ эпикурейскимъ ворчаньемъ. Людей не видать изъ моего окна, но полей, но деревьевъ, но садовъ безъ конца; не смотря на море въ сторонѣ, видъ этотъ очень напоминаетъ наши великорусскіе виды, къ тому-же пахнетъ травой и деревьями.

Пора была погодѣ исправиться, а то я начиналъ опасаться ужъ не соціальнаго переворота, а геологическаго; я такъ и ждалъ, что вслѣдъ за десятимѣсячной дурной погодой Европа дастъ трещину и вулканической мѣрой разрубитъ гордіевъ узелъ современныхъ вопросовъ и impass'овъ, приглашая желающихъ начать, не то что съ азбуки, а съ Адама П.

Ты въ качествѣ поэта и идеалиста должно быть не вѣришь такой чепухѣ, а Ламе, въ качествѣ одного изъ величайшихъ математиковъ нашего времени, о которомъ благосклонно и одобрительно отзывался самъ „Вѣстинкъ“

и самъ Брашманъ, не того мнѣнія. Ему кажется, что равновѣсіе скучившихся материковъ очень не прочно, и что взявъ къ тому-же въ расчетъ быстрое движеніе въ одну сторону и кой-какіе факты передвиженія массъ въ Исландіи, того и смотри, что шаръ земной дастъ трещину въ Европѣ. Онъ даже составилъ рядъ формулъ, сдѣлалъ рядъ вычисленій... Ну да что тебя пугать, до орловской губерніи трещина не дойдетъ.

Лучше, пользуясь казусно хорошей погодой, потолкуемъ опять объ нашихъ „Концахъ и Началахъ," а придетъ трещина, она сама распорядится.

Донъ Кихотъ революціи не идетъ у меня изъ головы. Суровый, трагическій типъ этотъ исчезаетъ —исчезаетъ какъ бѣловежской зубръ, какъ краснокожіе Индѣйцы, и нѣтъ художника, который-бы помѣтилъ его черты старыя, рѣзкія, носящія на себѣ слѣды всѣхъ скорбей, всѣхъ печалей, идущихъ изъ общихъ началъ и изъ вѣры въ человѣчество и разумъ. Скоро черты эти замрутъ несдавшись, съ выраженіемъ гордаго и укоряющаго презрѣнія, потомъ сотрутся и человѣческая память утратитъ одинъ изъ высшихъ, предѣльныхъ типовъ своихъ.

Это вершины горъ, которыми заключается хребетъ XVIII столѣтія, ими онъ достигаетъ своего предѣла и замыкается, ими обрывается рядъ усилій подняться. Дальше этимъ вулканическимъ напоромъ идти нельзя.

Титаны, остающіеся послѣ борьбы, послѣ пораженія, при всѣхъ своихъ титаническихъ стремленіяхъ, представителями неудовлетворенныхъ притязаній, дѣлаются изъ великихъ людей печальными Донъ Кихотами. Исторія

подымается и опускается между пророками и рыцарями печальнаго образа. Римскіе патриціи, республиканцы, стоики первыхъ вѣковъ, отшельники бѣжавшіе въ степи отъ христіанства, опошлснпаго въ оффиціальную религію, пуритане—наполнившіе цѣлое столѣтіе скрежетомъ зубовъ за недостиженіе своего скучнаго идеала,— все это оставленное отливомъ, упорно рвущееся впередъ и вязнущее въ тинѣ, не поддержанное волною, все это Донъ Кихоты, но Донъ Кихоты нашедшіе своихъ Сервантесовъ. Для сподвижниковъ начальной церкви есть томы легендъ, есть иконопись и живопись, есть ихъ благословляющія изваянія. Типъ пуританизма закрѣпленъ въ англійской литературѣ, въ голандской живописи; а типъ Донъ Кихота революціи вывѣтривается на нашихъ глазахъ, становится рѣже и рѣже и никто не думаетъ о томъ, чтобъ по крайней мѣрѣ снять фотографію.

Фанатики земной религіи, фантасты не царства божія, а царства человѣческаго, они остаются послѣдними часовыми идеала, давно покинутаго войскомъ, они мрачно и одиноко стоятъ полстолѣтія, безсильные и з м ѣ н и т ь, и все ожидающіе пришествія республики на землѣ; грунтъ возлѣ понижается, понижается — они этого не хотятъ видѣть. Я еще засталъ нѣсколько изъ этихъ апостоловъ девяностыхъ годовъ; рѣзкія, печальныя, крупныя фигуры ихъ, переросшія два поколѣнія, казались мнѣ какими-то угрюмыми и неподвижно разрушающимися по камешку Мемнонами въ египетскихъ степяхъ... и у ихъ ногъ копошились, хлопотали, таскали

товары крошечные люди и маленькіе верблюды, едва видные изъ за урагана пыли.

Смерть давала все больше и больше знать о своемъ приближеніи; старый пожелтѣлый взглядъ становился суровѣе, уставалъ отъ напряженія, высматривая смѣну, отыскивая кому сдать честь и мѣсто — Сыну? старикъ хмурится — Внуку? Онъ махнулъ рукой. Бѣдный король Лиръ въ демократіи, куда ни обращаетъ онъ угасающій взглядъ свой къ своимъ, къ приснымъ, вездѣ его встрѣчаетъ непониманье, безучастье, осужденье, полускрытый упрекъ, мелкіе счеты и мелкіе интересы. Его якобинскихъ словъ боятся при постороннихъ, ему просятъ прощеніе, указывая на изрѣдѣвшія сѣдины. Его невѣстка мучитъ его примиреніемъ съ церковью, и іезуитскій аббатъ шныряетъ по временамъ, какъ мимолетный воронъ, посмотрѣть сколько еще силъ и сознанія, чтобы поймать его богу въ предсмертномъ бредѣ.

Еще хорошо, если гдѣ нибудь въ околодкѣ гражданина Лира есть гражданинъ Кентъ, который находитъ „что въ его лицѣ есть что-то, напоминающее 94 годъ“ какой нибудь темный сподвижникъ Сантера, солдатъ арміи Марсо и Гоша, гражданинъ Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніоръ, дѣтски вѣрный своему преданью и гордо держащій лавочку рукой, которой держалъ пику съ фригійской шапкой. Лиръ зайдетъ къ нему иной разъ отвести душу, покачать головой и вспомнить старину съ ея огромными надеждами, съ ея великими событіями, побранить Таліена и Барраса, реставрацію съ своими caffards, короля-лавочника et ce traitre de Lamartine. Оба знаютъ, что часъ революціи пробьетъ, что народъ

проснется какъ левъ и снова подниметъ фригійскую шапку и въ этомъ упованіи одинъ изъ нихъ засыпаетъ.

Насупивъ брови идетъ Лиръ за гробомъ Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніора, или Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніоръ, не скрывая глубокаго отвращенія ко всему родству покойнаго, идетъ за гробомъ Лира — и изъ двухъ величавыхъ фигуръ остается одна, и та совершенно лишняя.

„И его нѣтъ, и онъ недождался“ — думаетъ оставшійся старикъ, возвращаясь съ похоронъ; „неужели въ самомъ дѣлѣ изувѣрство и монархизмъ, сторона Питта и Кобурга, окончательно взяли верхъ, неужели вся долгая жизнь, усилія, жертвы..... нѣтъ, не можетъ быть, истина съ нашей стороны и побѣда будетъ съ нашей... Разумъ и справедливость восторжествуютъ, разумѣется сперва во Франціи, потомъ во всемъ родѣ человѣческомъ и Vive la République, une et indivisible!“ Молится старецъ восмидесяти-лѣтними губами, такъ какъ другой старецъ, отдавая съ миромъ духъ свой господу, шепчетъ ему: „да пріидетъ царствіе твое“ и оба спокойно закрываютъ глаза и не видятъ, что ни царство небесное на землѣ, ни единая и нераздѣльная республика во Франціи, вовсе не водворяются, и не видятъ потому что духъ ихъ принялъ съ миромъ не господь, а разлагающееся тѣло.

Святые Донъ Кихоты, вамъ легка будетъ земля!

Эти фанатическія вѣрованія въ осуществимость гармоническаго порядка, общаго блаженства, въ осуществимость истины, потому что она истина, это отрѣшеніе отъ всего частнаго, личнаго; эта преданность, переживающая всѣ испытанія, всѣ удары, — это то и есть

вершина.... Гора окончена, выше, дальше холодный воздухъ, мгла, ничего. Опять спускаться! Отчего нельзя продолжать? Отчего Монъ-Бланъ не стоитъ на Шимборазо и Гимазай не продолжаетъ ихъ — какова-бы была гора?

Такъ нѣтъ; у каждаго геологическаго катаклизма свой романъ, своя поэма горъ, свой хребетъ, свои гранитыя базальтовыя личности, подавляющія своимъ величіемъ низменные бассейны. Памятники планетныхъ революцій, они давно обросли лѣсами и мохомъ въ свилѣтельство тысячелѣтняго застоя потомъ. И наши забѣжавшіе піонеры революціи оставили въ исторіи свои Альпы; слѣды ихъ титаническихъ усилій — не прошли и долго не пройдутъ. Чего-же больше?

Да, для исторіи. Тамъ своя гуртовая, безпощадная оцѣнка; тамъ какъ въ описаніи сраженій, — движеніе корпусовъ, дѣйствіе артиллеріи, напоръ лѣваго фланга, отступленіе праваго; тамъ свои личности „30й егерской, а послѣ 45й.“ Далѣе бюльтенъ не идетъ, онъ довольствуется потомъ итогомъ труповъ, а „пятое дѣйствіе“ каждаго солдата идетъ далѣе, и оно имѣетъ свой совершенно статскій интересъ.

Что вынесли эти люди послѣдняго прилива, оставленные отливомъ въ тинѣ и слякоти! Что выстрадали эти отцы съ своими дѣтьми одинокіе въ своихъ семьяхъ, больше чѣмъ монахи въ своихъ кельяхъ! Какія страшныя столкновенія всякаго часа, всякаго дня!..... Какія минуты устали и отчаянія!

Не странное ли дѣло, что въ длинномъ ряду „несчастныхъ,“ вызванныхъ В. Гюго, являются и старики....

а несчастный старикъ по преимуществу отодвинутъ на задній планъ, пропущенъ? Гюго едва замѣтилъ, что возлѣ мучительнаго сознанія виновности, есть другая пытка—мучительное сознаніе ненужной правоты своей, сознаніе своего безплоднаго превосходства надъ слабостью всего близкаго, молодаго, переживающаго.... Великій риторъ и поэтъ, между скорбными существованіями французской жизни, чуть коснулся величайшей скорби въ мірѣ — старца юнаго душею, окруженнаго больше и больше мельчающимъ поколѣніемъ.

Ну что передъ ними и мучительныя, но ненужныя и чисто субъективныя страданія Жанъ-Валжан', такъ утомительно подробно разсказанныя въ романѣ-омнибусѣ Гюго? Конечно сострадать можно всякому несчастію — но не всякому глубоко сочувствовать. Боль отъ перелома ноги и боль отъ перелома жизни вызываютъ рѣзкое участіе.

Мы слишкомъ мало французы, чтобъ понимать такіе идеалы каторжниковъ какъ Жанъ-Валжан', и сочувствовать такимъ героямъ полиціи какъ Жаверъ. Жаверъ для насъ просто отвратителенъ. Вѣроятно Гюго не думалъ, чертя эту совершенно національную фигуру шакала порядка, какое клеймо онъ выжегъ на плечѣ своей „прелестной Франціи.“ Въ Жанъ-Валжан' намъ только понятна его внѣшняя борьба добраго, несчастнаго звѣря, травимаго цѣлымъ гончимъ обществомъ. Внутренняя борьба еге для насъ остается посторонней; этотъ сильный человѣкъ — мышцами и волей, въ сущности чрезвычайно слабый человѣкъ. Святой каторжникъ, Илья Муромецъ изъ тулонскихъ галеръ, акробатъ въ пятьдесятъ лѣтъ, и влюбленный мальчикъ чуть не въ шесть-

десятъ, онъ исполненъ суевѣрья. Онъ вѣруетъ въ клеймо на плечѣ; онъ вѣруетъ въ приговоръ; онъ вѣруетъ, что онъ отверженный человѣкъ, оттого что тридцать лѣтъ тому назадъ укралъ хлѣбъ, да и то не для себя. Его добродѣтель — болѣзненное раскаяніе; его любовь — старческая ревность. Натянутое существованіе его поднимается до истинно трагическаго значенія только въ концѣ книги, отъ бездушной ограниченности Козетина мужа, и безграничной неблагодарности ея самой.

И тутъ Жанъ-Валжанъ дѣйствительно граничитъ съ нашими стариками — раскаяніе одного и правота другихъ смѣшивается въ жгучемъ страданіи. Ртуть термометра замерзшая въ пулю обжигаетъ, какъ раскаленая пуля изъ свинца. Сознаніе правоты, отхватывающее полсердца, полсуществованія, стоитъ угрызенія совѣсти и еще хуже — тутъ есть искупленіе исповѣди, вознагражденіе, тамъ ничего. Между старикомъ девяностыхъ годовъ, фанатикомъ, фантастомъ, идеалистомъ и сыномъ, который с т а р ш е его осторожностью, благоразуміемъ, разочарованіемъ, сыномъ черезъ край удовлетвореннымъ „меньшой линіей,“ и внукомъ, который, щеголяя въ мундирѣ императорскаго гида, мечтаетъ о томъ какъ-бы лукнуть въ су-префекты, pour exploiter sa position, нарушено естественное отношеніе, нарушено равновѣсіе, искажена органическая преемственность поколѣній.

Жанъ Валжанъ въ своей старческой дѣвственности, въ своей лирической, личной сосредоточенности, самъ не зналъ чего требовалъ отъ молодой жизни. Чего хотѣлъ онъ въ самомъ дѣлѣ отъ Козеты? Развѣ она могла быть его подругой? Онъ въ неопытной непочатости

своего сердца перешагнулъ любовь отца..... Онъ исключительно для себя хотѣлъ любить ее, а такъ отецъ не любитъ. Сверхъ того онъ, всю жизнь внутренно драпируясь въ куртку каторжнаго, сломился подъ бременемъ отвращенія, которое ему показалъ ограниченнѣйшій молодой человѣкъ — типическій представитель пошлѣющаго поколѣнія.

Я не знаю, что Гюго хотѣлъ сдѣлать съ Маріюсомъ, мнѣ кажется, что онъ вообще „шелъ въ комнату попалъ въ другую," и можетъ потому то многое имѣетъ такую portée. Для меня онъ въ своемъ поколѣніи такой же типъ, какъ Жаверъ въ своемъ. Въ инстинктахъ этого молодаго человѣка мерцаютъ какимъ-то отблескомъ другаго дня — благородные и горячіе порывы, безъ разужденія, безъ корня, почти безъ смысла — по преданію, по примѣру. Въ немъ и закваски XVIII вѣка больше нѣтъ — этой неутомимой потребности анализа, критики, этого грознаго вызова всего на свѣтѣ на провѣръ ума; у него и ума нѣтъ, но онъ еще добрый товарищъ, пойдетъ на барикаду, не зная что потомъ; онъ живетъ по готовому, и зная à code ouvert что добро и что зло, также мало беспокоится объ этомъ, какъ человѣкъ, знающій достовѣрно, что скоромное ѣсть грѣшно въ постъ. На этомъ поколѣніи останавливается и начинаетъ свое отступленіе революціонная эпоха; еще поколѣніе, и нѣтъ больше порывовъ, все принимаетъ обычный порядокъ, личность стирается, смѣна экземпляровъ едва замѣтна въ продолжающемся жизненномъ обиходѣ.

Я воображаю, что нѣчто подобное было въ развитіи

животныхъ; складывавшійся видъ, порываясь свыше силъ, отставая ниже возможностей, мало-по-малу уравновѣшивался, умѣрялся, терялъ анатомическія эксцентричности и физіологическія необузданности, пріобрѣтая за то плодовитость и начиная изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ повторять, по образу и подобію перваго остепенившагося праотца, свой рѣзко обозначенный видъ и свою стертую индивидуальность.

Тамъ, гдѣ видъ сложился, исторія почти прекращается, по крайней мѣрѣ становится скромнѣе, развивается исподволь... въ томъ родѣ какъ и планета наша. Дозрѣвши до извѣстнаго періода охлажденія, она мѣняетъ свою кору по немногу; есть наводненія, нѣтъ всемірныхъ потоповъ; есть землетрясенія тамъ-сямъ, нѣтъ общаго переворота... Виды останавливаются, консолидируются на разныхъ возможностяхъ, больше или меньше, въ ту или другую сторону односторонніхъ; они ихъ удовлетворяютъ, перешагнуть ихъ они почти не могутъ, а еслибъ и перешарнули, то въ смыслѣ той же односторонности. Моллюскъ не домогается сдѣлаться ракомъ, ракъ — форелью, Голландія — Швеціей... еслибъ можно было предположить животные идеалы, то идеалъ рака былъ бы тоже ракъ, но съ болѣе совершеннымъ организмомъ. Чѣмъ ближе страна къ своему окончательному состоянію, тѣмъ больше она считаетъ себя средоточіемъ просвѣщенія и всѣхъ совершенствъ, какъ Китай, стоящій безъ соперниковъ, какъ Англія и Франція, несомнѣвающіяся въ своемъ антагонизмѣ, въ своемъ соревнованіи, въ своей взаимной ненависти — что они передовыя страны міра. Пока одни успокоиваются

на достигнугомъ, развитіе продолжается въ несложившихся видахъ возлѣ, около г о т о в а г о, совершившаго свой циклъ вида.

Вездѣ, гдѣ людскіе муравейники и ульи достигали относительнаго удовлетворенія и уравновѣшенія, движеніе впередъ дѣлалось тише и тише, фантазіи, идеалы потухали. Довольство богатыхъ и сильныхъ подавляло стремленіе бѣдныхъ и слабыхъ. Религія являлась всѣхскорбящей утѣшительницей. Все что сосало душу, по чемъ страдалъ человѣкъ, все что беспокоило и оставалось неудовлетвореннымъ на землѣ, все разрѣшалось, удовлетворялось въ вѣчномъ царствѣ Ормузда, превыше Гималая, у подножія престола Іеговы. И чѣмъ безропотнѣе выносили люди временныя несчастія земной жизни, тѣмъ полнѣе было небесное примиреніе и притомъ не на короткій срокъ, а во вѣки вѣковъ.

Жаль, что мы мало знаемъ внутреннюю повѣсть азіатскихъ народовъ, вышедшихъ изъ исторіи, мало знаемъ тѣ періоды безъ событій, которые предшествовали у нихъ — насильственному вторженію дикихъ племенъ, все избивавшихъ, или хищной цивилизаціи, все искореняшей и перестроивавшей. Она намъ показала-бы въ элементарныхъ и простыхъ формахъ, въ тѣхъ пластическихъ, библейскихъ образахъ, которые создаетъ одинъ востокъ, выходъ народа изъ историческаго треволненія въ покойное statu quo жизни, продолжающейся въ безспорной смѣнѣ поколѣній — зимы весны, весны лѣта...

Тихимъ, невозмущаемымъ шагомъ идетъ Англія къ этому покою, къ незыблемости формъ, понятій, вѣрова-

ній. На днях „Теймсъ“ поздравлялъ ее съ отсутствіемъ интереса въ парламентскихъ преніяхъ, съ безропотностью, съ которой работники умираютъ съ голоду „въ то время какъ еще такъ недавно ихъ отцы современники О' Коннора“ потрясали страну своимъ грознымъ ропотомъ. Прочно, какъ вѣковый дубъ, стоитъ глубоко пустивши корни англиканская церковь, милосердо допуская всѣ расколы и увѣренная, что всѣ они далеко не уйдутъ. Упираясь по старой памяти и кобенясь, низвергается Франція задомъ на передъ, чтобъ придать себѣ видъ прогресса. За этими колоссами пойдутъ и остальные двумя колоннами, нѣкогда пророчески соединенными подъ однимъ скипетромъ.... съ одной стороны худой, суровый, постный типъ испанца, задумчиваго безъ мысли, энтузіаста безъ цѣли, озабоченнаго безъ причины, принимающаго всякое дѣло къ сердцу и не умѣющаго ничему помочь, словомъ типъ настоящаго Донъ Кихота Ламанчскаго. Съ другой — дородный типъ голландца, довольнаго, когда онъ сытъ, напоминающій Санчо Пансу.

Не оттого ли здѣсь дѣти старше своихъ отцевъ, старше своихъ дѣдовъ и могутъ ихъ назвать à la Dumas jun. „блудными отцами,“ что старость-то и есть главная характеристика теперь живущаго поколѣнія? По крайней мѣрѣ, куда я ни смотрю, я вездѣ вижу сѣдые волосы, морщины, сгорбившіяся спины, завѣщанія, итоги, выносы, концы и все ищу, ищу началъ—они только въ теоріи и отвлеченіяхъ.

10 Августа 1862 г.

Письмо четвертое.

Прошлымъ лѣтомъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Девонширъ одинъ пріятель, саратовскій помѣщикъ и большой фурьеристъ.

— Сдѣлай одолженіе не сердись на меня, т. е. это не помѣщикъ мнѣ сказалъ, а я тебѣ говорю за то, что я беспрестанно сворачиваю съ дороги. Вводныя мѣста мое счастіе и несчастіе. Одинъ французъ литераторъ временъ реставраціи, классикъ и пуристъ, не разъ говаривалъ мнѣ, продолжительно и академически нюхая табакъ (такъ, какъ скоро перестанутъ нюхать): notre ami abuse de la paranthèse avec intempérance! Я за отступленія и за скобки всего больше люблю форму писемъ — и именно писемъ къ друзьямъ — можно не стѣсняясь писать что въ голову придетъ.

— Ну вотъ мой саратовскій фурьеристъ въ Девонширѣ и говоритъ мнѣ: „Знаете-ли какая странность? Я теперь былъ первый разъ въ Парижѣ, ну—конечно... что и говорить, а если разобрать по глубже, въ Парижѣ скучно.... право скучно!“

— Что вы? говорю я ему.

— Ей богу.

— Впрочемъ отчего-же вы думали, что тамъ весело?

— Помилуйте, послѣ саратовскихъ степей.

— Можетъ именно по этому. А впрочемъ, не оттого-ли вамъ было въ Парижѣ скучно, что тамъ черезъ чуръ весело?

— Ха! ха! ха!... Вы по прежнему дурачитесь.

— Совсѣмъ нѣтъ. Лондонъ, смотрящій Сентябремъ,

намъ больше по душѣ; впрочемъ и здѣсь скука страшная.

— Гдѣ-же лучше? Видно по старой поговоркѣ: гдѣ насъ нѣтъ!

— Не знаю; а думать надобно, что и тамъ не очень хорошо.

.....Разговоръ этотъ — кажется не то чтобъ длинный, или особенно важный, расшевелилъ во мнѣ рядъ старыхъ мыслей о томъ, что въ мозгу современнаго человѣка не достаетъ какого-то рыбьяго клея; оттого онъ не отстаивается и мутенъ отъ гущи—новыя теоріи, старыя практики, новыя практики, старыя теоріи.

И что за логика? — я говорю, что въ Парижѣ и Лондонѣ скучно, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Гдѣ-же лучше?“ не замѣчая вовсе, что эту діалектику употребляли у насъ дворовые люди прежняго покроя; они обыкновенно на замѣчаніе: „Да ты, братецъ, кажется пьянъ?“ отвѣчали: „А развѣ вы подносили?“

На чемъ основана мысль, что людямъ гдѣ-нибудь хорошо? можетъ, должно быть хорошо? и какимъ людямъ? и чѣмъ хорошо? Положимъ, что людямъ въ одномъ мѣстѣ лучше жить чѣмъ въ другомъ. Почему-же Парижъ и Лондонъ предѣлы этого лучше?

Развѣ по гиду Рейхардта?

Парижъ и Лондонъ замыкаютъ томъ всемірной исторіи—томъ, у котораго едва остаются нѣсколько неразрѣзанныхъ листовъ. Люди, старающіеся изъ всѣхъ силъ скорѣе перевернуть ихъ, дивятся, что — по мѣрѣ приближенія къ концу — въ прошедшемъ больше чѣмъ въ настоящемъ и досадуютъ, что два полнѣйшіе предста-

вителя западнаго міра — садятся съ нимъ вмѣстѣ.

Въ общихъ разговорахъ, носящихся какъ нѣкогда духъ божій надъ водами — удаль и оставга страшныя; а какъ дойдетъ, не только до дѣла, а до критической оцѣнки событій — все забыто, и старые вѣсы и старые аршины вытаскиваются изъ бабушкиной кладовой.

— „Обвѣтшалыя формы только и могутъ спастись — совершеннымъ перерожденіемъ—западъ долженъ возродиться какъ фениксъ въ огненномъ крещеніи.“

— Ну такъ съ богомъ въ полымя его.

— А какъ онъ не возродится... а опалитъ свои красивыя перья, или пожалуй — сгоритъ?

— Бь такомъ случаѣ продолжайте его крестить водой, и не скучайте въ Парижѣ. Вотъ мой отецъ напримѣръ: онъ жилъ лѣтъ восемь въ Парижѣ и никогда не скучалъ; онъ черезъ тридцать лѣтъ любилъ разсказывать о праздникахъ, которые давали маршалы и самъ Наполеонъ, объ ужинахъ въ Palais Royal, на которыхъ являлись актрисы и оперныя танцовщицы, украшенныя брильянтами, наворованными изъ побѣжденныхъ коронъ, объ Юсуповыхъ, Тюфякиныхъ и другихъ princes russes, положившихъ тамъ больше крестьянскихъ душъ, чѣмъ ихъ легло подъ Бородинымъ. Съ разными перемѣнами и un peu plus canaille, тоже существуетъ и теперь. Маршалы биржи даютъ праздники не хуже боевыхъ маршаловъ, ужины съ улицы St.-Honoré переѣхали на Елисейскія Поля, въ Бульонскій лѣсъ... Но вы человѣкъ серьезный — больше любите смотрѣть за кулисы всемірной исторіи, чѣмъ оперы... вотъ вамъ парламентъ и

два, вотъ либеральный консерваторъ Пальмерстонъ и набожный министръ финансовъ Гладстонъ, — чего-же вамъ больше?... Съ какой завистью и болью слушалъ я бывало людей пріѣзжавшихъ изъ Европы въ тридцатыхъ годахъ, точно будто у меня отняли все то, что они видѣли... а я не видалъ. Они тоже не скучали, а много надѣялись — кто на Одильонъ Баро, кто на Кобдена. Умѣйте-же и вы не скучать... и во всякомъ случаѣ будьте сколько-нибудь послѣдовательны; и, если вамъ все таки скучно, ищите причину. Можетъ найдете, что вы требуете пустяковъ, тогда лечитесь; это скука праздности, пустоты, неумѣнья найтиться. А можетъ вы найдете другое — что вамъ оттого скучно, что на стремленія, больше и больше растущія въ сердцѣ и мозгу современнаго человѣка, Парижъ и Лондонъ не имѣютъ отвѣта — что вовсе не мѣшаетъ имъ представлять высшее развитіе и блестящій результатъ былаго, богатые концы богатаго періода.

Я это говорилъ десять разъ. Но безъ повтореній обойтись невозможно. Люди привычные знаютъ это. Я какъ-то сказалъ Прудооу (въ тѣ времена, когда онъ еще сидѣлъ въ St.-Pélagie, издавалъ La Voix du Peuple, былъ въ открытой войнѣ съ государственной несправедливостью — и не писалъ ни de la justice, ни de la guerre) о томъ, что въ его журналѣ часто помѣщаются почти одинакія статьи, съ небольшими варіаціями.

— А вы воображаете, отвѣчалъ мнѣ Прудонъ, что разъ сказали такъ и довольно — что новая мысль такъ вотъ и примется сразу. Вы ошибаетесь: долбить надобно, повторять надобно, безпрерывно повторять — чтобъ

мысль не только не удивляла больше, не только была-бы понята, а усвоилась-бы, получила-бы дѣйствительныя права гражданства въ мозгу.

Прудонъ былъ совершенно правъ. Есть двѣ, три мысли, особенно дорогія для меня, и очень извѣстныя теперь — я ихъ повторяю около пятнадцати лѣтъ; фактъ за фактомъ подтверждаетъ ихъ съ ненужной роскошью. Часть ожидаемаго совершилась; другая совершается передъ нашими глазами. А онѣ также дики, не употребительны, какъ были.

И что всего обиднѣе, люди будто понимаютъ васъ— соглашаются, но мысли ваши остаются въ ихъ головѣ чужими, не идущими къ дѣлу, не становятся той непосредственностью сознанія и нравственнаго быта, которая вообще лежитъ въ безспорной основѣ нашихъ мнѣній и поступковъ.

Отъ этого двойства люди по видимому очень развитые беспрестанно поражены неожиданнымъ, взяты въ расплохъ, возмущаются противъ неминуемаго, борятся съ неотразимымъ, идутъ мимо нарождающагося и лечатъ всѣми аллопатіями и гомеопатіями — дышащихъ на ладонъ. Они знаютъ, что ихъ часы были хорошо поставлены, но какъ „неоплаканный“ Клейнмихель, не могутъ понять, что меридіанъ не тотъ.

Отвлеченная доктрина, схоластика, мѣшаютъ пониманью простому, живому пониманью, больше чѣмъ изувѣрство и невѣжество. Тутъ остались инстинкты мало сознанные, но вѣрные; сверхъ того, невѣжество не исключаетъ страстнаго увлеченья, изувѣрство — непослѣдовательности.

Во время итальянской войны, одинъ добрый почте-

нный профессоръ изъ нѣмцевъ читалъ своимъ студентамъ о великихъ успѣхахъ международнаго права; о томъ какъ нѣкогда крупно наброшенныя основанія Гуго Гроція, развиваясь, внѣдрились въ народное и правительственное сознаніе; о томъ какъ вопросы, которые прежде разрѣшались рѣками крови, несчастіями цѣлыхъ провинцій, цѣлыхъ поколѣній — разрѣшаются теперь, какъ гражданскіе вопросы между частными людьми, на началахъ международной совѣсти.

Кто-же, кромѣ какихъ-нибудъ старыхъ кондотьеровъ по ремеслу, не будетъ согласенъ съ доцентомъ, что это одна изъ величайшихъ побѣдъ гуманности и образованія надъ дикой силой. Бѣда не въ томъ, что сужденіе доцента несправедливо, а въ томъ, что человѣчество этой побѣды вовсе не одерживало.

Когда профессоръ краснорѣчивой рѣчью увлекалъ юношей въ эти созерцанія мира, на поляхъ Маджженты и Сольферино дѣлались другіе комментаріи на международное право. Итальянская война тѣмъ меньше могла быть устранена какими нибудь амфиктіоновыми судами, что на нее никакой международной причины не было, такъ какъ не было спорнаго предмета. Войну эту Наполеонъ велъ съ медицинской точки зрѣнія, чтобъ угомонить французовъ гимнастикой освобожденія и потрясеніями побѣдъ. Какой-же Гроцій и Ватель могли-бы разрѣшить такую задачу? Какъ-же было возможно отстранить войну, которая была необходима для внутреннихъ интересовъ? Не австрійцевъ, такъ кого нибудь другаго надобно было бить французамъ; остается радоваться, что именно австрійцы подвернулись.

Далѣе — Индія, Пекинъ, война демократовъ за рабство черныхъ, война республиканцевъ за рабство государственной нераздѣльности. А профессоръ продолжаетъ свое, слушатели тронуты, имъ кажется, что слышанъ послѣдній скрипъ церковныхъ воротъ въ Янусовомъ соборѣ, что воины сложили оружія, надѣли миртовые вѣнки и взяли прялки въ руки, что арміи распущены и воздѣлываютъ поля... И все это въ то самое время, когда Англія покрывалась волонтерами, что ни шагъ — мундиръ, что ни лавочникъ — ружье, французское и австрійское войско стояло съ зажженными фитилями и самъ принцъ, кажется Гессенъ Кассельскій, поставилъ на военную ногу и вооружилъ револьверами двухъ гусаръ, мирно и безоружно ѣздившихъ за его каретой со времени вѣнскаго конгресса.

Вспыхни война, а это зависѣло отъ тысячи случайностей, отъ одного выстрѣла кстати—въ Римѣ, на границѣ Ломбардіи, она разлилась бы кровавымъ моремъ отъ Варшавы до Лондона. Профессоръ удивился-бы, профессоръ огорчился-бы. А „кажись не подобаетъ“ ни удивляться, ни огорчаться — исторія дѣлается не за угломъ! Бѣда доктринеровъ въ томъ, что они какъ нашъ Дидро, споря закрываютъ глаза, чтобъ не видать когда противникъ хочетъ возражать; а противникъ-то иной разъ сама природа, сама исторія.

Въ дополненіе конфузіи не слѣдуетъ терять изъ виду, что отвлеченно-логически — профессоръ правъ, и что еслибъ не сто человѣкъ, а сто милліоновъ человѣкъ понимали Гроція и Вателя, такъ они и не стали бы рѣзать другъ друга, ни для моціона, ни изъ клочка

земли. Да несчастье-то въ томъ, что при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ, могутъ понимать Гроція и Вателя сто человѣкъ, а не сто милліоновъ. Оттого-то ни лекціи, ни проповѣди не дѣйствуютъ, оттого то ни отцы-доктринеры, ни духовные отцы не могутъ принесть намъ облегченія; монахи науки, такъ-же какъ и монахи невѣжества, не знаютъ ничего внѣ стѣнъ своихъ монастырей, не повѣряютъ своей теоріи, своихъ выводовъ по событіямъ и, тогда какъ люди гибнутъ отъ изверженія волкана — они съ наслажденіемъ бьютъ тактъ, слушая музыку небесныхъ сферъ и дивясь ея гармоніи.

Баконъ Веруламскій давнымъ давно уже раздѣлилъ ученыхъ на пауковъ и пчелъ. Есть несчастныя эпохи, въ которыхъ пауки рѣшительно берутъ верхъ и тогда развивается бездна паутины — но мало собирается меду. Есть условія жизни, особенно способствующія паукамъ. Для меда надобны липовыя рощи, цвѣтистыя поля, и пуще всего крылья и общежительный образъ мыслей. Для паутины достаточенъ тихій уголъ, невозмущаемый досугъ, много пыли и безучастіе ко всему, внѣ внутренняго процесса.

Въ обыкновенное время по пыльной гладкой дорогѣ, еще можно плестись дремля и не обрывая паутины, но чуть пошло черезъ кочки да цѣликомъ — бѣда.

Была истинно добрая, покойная полоса Европейской исторіи, начавшаяся съ Ватерлоо и продолжавшаяся до 1848 г. Войны тогда не было, а международнаго права и постояннаго войска—очень много. Правительства поощряли явно „истинное просвѣщеніе“ и давили въ тиши — ложное, не было большой свободы, но не

было и большаго рабства, даже деспоты всѣ были добродушные, въ родѣ патріархальнаго Франца II, піэтиста Фридриха Вильгельма, и аракчеевскаго Александра; собственно неаполитанскій король и Николай были исключеньями. Промышленность процвѣтала, торговля процвѣтала еще больше, фабрики работали, книгъ писалась бездна, это былъ золотой вѣкъ для всѣхъ паутинъ — въ академическихъ аулахъ и въ кабинетахъ ученыхъ сплелись ткани безконечныя!....

Исторія, уголовное и гражданское право, право международное и сама религія, все было возведено въ область чистаго знанія и падало оттуда самыми кружевными бахрамами паутины. Пауки качались привольно на своихъ ниточкахъ, никогда не касаясь земли. Что, впрочемъ, было очень хорошо, потому что по землѣ ползали другія насѣкомыя, представлявшія великую идею государства въ моментъ самозащищенія и сажавшія слишкомъ смѣлыхъ пауковъ въ Шпандау и другія крѣпости. Доктринеры все понимали какъ нельзя лучше à vol d'araignée. Прогрессъ человѣчества тогда былъ извѣстенъ какъ высочайшій маршрутъ инкогнито — этапъ въ этапъ, на станціяхъ готовили лошадей. А тутъ

24 Февраля, 24, 25, 26 Іюня, 2 Декабря!

Эти мухи были не по паутинѣ.

Сравнительно слабый толчекъ іюльской революціи и тотъ — убилъ наповалъ такихъ гигантовъ какъ Нибуръ и Гегель. А еще торжество-то было въ пользу доктринаризма—журналистика, Collège de France, политическая экономія садились на первыя ступени трона вмѣстѣ съ орлеанской династіей. Оставшіеся въ живыхъ

оправились и кой-какъ сладили съ 1830 г., они сладили-бы вѣроятно и съ республикой трубадура Ламартина.

Но какъ совладать съ іюльскими днями?

Какъ со вторымъ Декабремъ?

Конечно Гервинусъ поучаетъ, что за демократическимъ переворотомъ слѣдуетъ эпоха централизаціи и деспотизма, но все что-то было не ладно. Одни начали поговаривать не воротиться-ли въ средніе вѣка, другіе—просто на просто въ католицизмъ; столпники революціи указывали, неподвижной рукой, по всей желѣзной дорогѣ вѣка—на 93 годъ, іудеи доктринаризма продолжали, вопреки фактамъ, свои лекціи, ожидая что человѣчество побалуетъ, да и воротится къ Соломонову храму доктринерской премудрости.

Прошло десять лѣтъ.

Ничего не удалось. Англія не сдѣлалась католической какъ хотѣлъ Донозо Кортесъ, XIX вѣкъ не сдѣлался XIII-тымъ по желанію нѣкоторыхъ нѣмцевъ, народы рѣшительно не хотятъ ни французскаго братства (или смерть), ни международнаго права по peace Society, ни почетнаго убожества по Прудону, ни киргизской діэты—меда и млека...

А католики несутъ свое...

Средневѣковики — свое...

Столпники 93 г. — свое...

И всѣ доктринеры — свое...

Куда-же человѣчество идетъ, если оно пренебрегаетъ такими авторитетами?

— Можетъ оно само не знаетъ.

— Да мы за него должны знать.

— Видно не туда, куда мы думали. Оно и въ самомъ дѣлѣ трудно знать куда попадешь, ѣхавши на шарѣ, который нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ чуть не угодилъ подъ комету. А не нынче завтра дастъ трещину — какъ я тебѣ сообщалъ въ прошедшемъ письмѣ.

1 Сентября 1862.

Письмо Пятое.

...„Въ первыя времена моей юности, меня поразилъ одинъ французскій романъ „Arminius,“ котораго я впослѣдствіи не встрѣчалъ; можетъ онъ и не имѣетъ большихъ достоинствъ, но тогда онъ на меня сильно подѣйствовалъ и я помню главныя черты его до сихъ поръ.

„Всѣ мы, больше или меньше, знаемъ встрѣчу и столкновеніе двухъ историческихъ міровъ въ первые вѣка: одного классическаго, образованнаго, но растлѣннаго и отжившаго, другаго почти дикаго, какъ звѣрь лѣсной, но полнаго непочатыхъ силъ и хаотическихъ стремленій — только знаемъ мы по большей части одну оффиціальную, газетную сторону ихъ столкновенія, а не ту, которая совершалась по мелочи, въ тиши домашней жизни. Мы знаемъ гуртовыя событія, а не частныя судьбы; не драмы, въ которыхъ безъ шума ломались жизни и гибли въ личныхъ столкновеніяхъ, кровь замѣнялась горькими слезами, опустошенные города разрушенными семьями и забытыми могилами.

„Авторъ „Arminius'a“ попытался воспроизвести эту

встрѣчу двухъ міровъ у семейнаго очага: одного идущаго изъ лѣса въ исторію, другаго изъ исторіи въ гробъ. Всемірная исторія тутъ граничитъ со сплетнями и потому становится ближе къ намъ, доступнѣе, соизмѣримѣе. *

Не приходило мнѣ тогда въ мысль, что я самъ попаду въ такое-же столкновеніе, что и въ моей жизни развернется, со всей губящей силой своей, подобное столкновеніе, что и мой очагъ опустѣетъ, раздавленный при встрѣчѣ двухъ міровыхъ колесъ исторіи...

„Въ нашемъ отношеніи къ Европейцамъ при всемъ несходствѣ, которое я очень хорошо знаю, дѣйствительно есть сходныя черты съ отношеніемъ Германцевъ къ Римлянамъ. Не смотря на нашу наружность, мы все-же варвары. Наша цивилизація накожна, развратъ грубъ, у насъ изъ подъ пудры колетъ иной разъ щетина, изъ подъ бѣлилъ пробивается загаръ. У насъ бездна лукавства дикихъ и уклончивости рабовъ; у насъ все разрѣшается кулакомъ или деньгами. Мы готовы дать плюху безъ разбора и повалиться въ ноги безъ вины — но—но я упорно повторяю, мы далеко отстали въ разъѣдающей, наслѣдственно зараженной тонкости западнаго растлѣнія.

„У насъ умственное развитіе служитъ (по крайней мѣрѣ служило до сихъ поръ) чистилищемъ и порукой. Исключенія чрезвычайно рѣдки. Образованіе у насъ кладетъ предѣлъ, за который много гнуснаго не ходитъ,

* Я былъ до того увлеченъ Арминіемъ, что написалъ рядъ подобныхъ сценъ и ихъ критически разбиралъ при мнѣ въ слѣдственной коммиссіи (въ 1834 г.), оберъ-полицмейстеръ Цинскій.

на этомъ основаніи во все николаевское время правительство не могло составить ни тайной полиціи, ни полицейской литературы въ родѣ французскихъ.

„На Западѣ это не такъ. И вотъ почему русскіе мечтатели, вырвавшись на волю, отдавались, отдаются въ руки всякому человѣку касающемуся съ сочувствіемъ святынь ихъ, понимающему ихъ заповѣдныя мысли, забывая, что для него эти святыни давно перешли въ обычную фразу, въ форму, въ родѣ учтивости, что большей частію онъ ихъ повторяетъ, пожалуй и добросовѣстно, но въ томъ родѣ, въ которомъ попъ, думая вовсе о другомъ, благословляетъ встрѣчнаго; забывая сколько другихъ стихій напутано въ сложной, усталой, болѣзненно пробившейся и страстно себялюбивой душѣ западнаго человѣка; сколько онъ уже источенъ, изношенъ завистью, нуждой, тщеславіемъ, самолюбіемъ и въ какой страшный эпикуреизмъ высшаго, болѣзненно-нервнаго порядка перегнулись перенесенныя имъ униженіе, нищета и горячешный бой соревнованія.

„Мы все это узнаемъ, когда ударъ нанесенъ; насъ это ошеломляетъ. Мы чувствуемъ себя одураченными и хотимъ отомстить. Глядя на это, иногда мнѣ кажется, что много прольется крови, изъ за столкновенія этихъ двухъ разныхъ развитій...“

Строки эти были писаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ.*

Я и теперь того-же мнѣнія, не смотря на то, что Русскіе пользуются въ Европѣ репутаціей самыхъ развратныхъ людей. Это происходитъ отъ безцеремонности

* Изъ ненапечатанной части: „Былаго и Думъ.“

нашего поведенія и отъ помѣщичьихъ ухватокъ. Мы увѣрили весь свѣтъ въ нашей порочности, такъ какъ Англичане его увѣрили въ своихъ семейныхъ добродѣтеляхъ. На самомъ дѣлѣ, ни то, ни другое—не глубоко. Русскіе за границей не только безпорядочно живутъ, но хвастаются своими дикими и распущенными привычками. По несчастью встрѣчаясь, при самомъ переѣздѣ границы, съ неловкой и подобострастной родиной келнеровъ и гофратовъ, Русскіе, какъ вообще недовоспитанные люди, перестаютъ стѣсняться, распускаются еще больше и въ этомъ задорномъ состояніи пріѣзжаютъ въ Парижъ и Лондонъ. Мнѣ случалось много разъ замѣчать, какъ Русскіе бросаются въ глаза совершенными мелочами, а потомъ поддерживаютъ первое впечатлѣніе какой-то вызывающей nargue, съ которой они (великіе мастера покорности и вытяжки дома!) не хотятъ покориться принятымъ обычаямъ. Русскаго узнаютъ въ большихъ отеляхъ, потому что онъ кричитъ въ общей залѣ, хохочетъ во все горло, ѣстъ съ ножа, и непремѣнно протестуетъ, что нельзя курить въ столовой. Вся эта заносчивость офиціанта, вышедшаго за вороты господскаго дома, показываетъ гораздо больше недозрѣлости, непривычки къ волѣ, чѣмъ глубокой испорченности; съ этой нравственной „сыростью“ неразрывно хвастовство. Намъ хочется какъ 14-лѣтнимъ мальчикамъ не только напиться, но и показать всѣму свѣту „вотъ молъ, какъ я нализался.“ А весь свѣтъ разсуждаетъ иначе — онъ глядя на то, что русскіе обнажаютъ, думаетъ качая головой, что же послѣ этого скрыто то у нихъ? — а тамъ ничего, какъ въ ранцѣ солдатскомъ на парадѣ, только видъ что туго набито.

Долгая цивилизація, перешедшая поколѣнія и поколѣнія, получаетъ особый букетъ, который разомъ не возьмешь, въ этомъ судьба людей очень схожа съ судьбою рейнвейна; эстетически выработанной пристойностью особенно увлекаться нечего, хотя ходить по ней, какъ по выметенной дорожкѣ гораздо пріятнѣе. Мы, нельзя не признаться, дурно выметены, и грязи много и жесткихъ камней довольно.

Дресура наша въ образованіе свѣжа въ памяти: она дѣлалась черезъ пень колоду и совершенно въ томъ родѣ, какъ крестьянина, взятаго во дворъ, стригутъ въ нѣмца и заставляютъ служить. Отрѣкаясь по высочайшему повелѣнію отъ всего склада жизни народной, дворянство упорно сохранило всѣ дурныя ея стороны; бросая за бортъ вмѣстѣ съ предразсудками строгій чинъ и строй народнаго быта, оно осталось при всѣхъ грубобарскихъ привычкахъ и при всемъ татарскомъ неуваженіи къ себѣ и къ другимъ. Тѣсная, обычная нравственность прежняго времени не замѣнилась ни аристократическимъ понятіемъ чести, ни гражданскимъ понятіемъ доблести, самобытности — оно замѣнилось гораздо проще нѣмецкой казарменной дисциплиной во фрунтѣ, подлымъ уничиженіемъ, подобострастнымъ кліентизмомъ въ канцеляріи и ничѣмъ внѣ службы.

Внѣ службы дворянинъ превращался изъ битаго деньщика въ бьющаго Петра I; въ деревнѣ ему было полное раздолье, тутъ самъ онъ становился капраломъ, императоромъ, вельможей и отцомъ вотчины. Изъ этой жизни волка и просвѣтителя вмѣстѣ вышли всѣ коло-

сальныя уродства — отъ Бироновъ и Потемкиныхъ большаго размѣра до Бироновъ и Потемкиныхъ въ микрометрическомъ сокращеніи; отъ Измайлова сѣкущаго исправниковъ, до Ноздрева съ оборванной бакенбардой; отъ Аракчеева всея Россіи до баталіоныхъ и ротныхъ Аракчеевыхъ, *заколачивающихъ* въ гробъ солдата; отъ взяточниковъ первыхъ трехъ классовъ до голодной стаи пернатыхъ, *записывающихъ* бѣдныхъ мужиковъ въ могилу, со всѣми неистощимыми варіяціями пьяныхъ офицеровъ, забіякъ, картежныхъ игроковъ, героевъ ярмарокъ, псарей, драчуновъ, сѣкуновъ, серальниковъ. Въ ихъ числѣ тамъ-сямъ изрѣдка попадался помѣщикъ, сдѣлавшійся иностранцемъ для того, чтобъ остаться человѣкомъ, или „прекрасная душа“ Маниловъ, горлица дворянинъ, воркующій въ господскомъ домѣ близъ исправительной конюшни.

Казалось-бы, что могло зародиться, вырости, окрѣпнуть путнаго на этихъ грядахъ между Аракчеевыми и Маниловыми? Что воспитаться этими матерями брившими лбы, рѣзавшими косы, колотившими прислугу, этими отцами подобострастными передъ всѣми высшими, дикими тиранами со всѣмъ низшимъ? А именно между ними развились люди 14 Декабря, фаланга героевъ, вскормленная какъ Ромулъ и Ремъ молокомъ дикаго звѣря... Оно имъ пошло впрокъ! Это какіе-то богатыри, кованные изъ чистой стали съ головы до ногъ, воины-пророки, вышедшіе сознательно на явную гибель, чтобъ разбудить къ новой жизни—молодое поколѣніе и очистить дѣтей рожденныхъ въ средѣ палачества и раболѣпія. Но кто-же ихъ-то душу выжегъ огнемъ очи-

щенія, что за непочатая сила отрѣклась въ нихъ то самихъ отъ своей грязи, отъ наноснаго гноя и сдѣлала ихъ мучениками будущаго?..

Она была — для меня этого довольно теперь, я помѣчаю это и возвращаюсь къ тому что сказалъ—кабацкая оргія нашего разврата имѣетъ характеръ какого-то неустоявшагося, неуравновѣсившагося броженія; это горячка опьяненія, захватившая цѣлое сословіе, сорвавшееся съ пути, безъ серьезнаго плана и цѣли — она не имѣетъ той въ глубь уходящей, той изъ глуби подымающейся, тонкой, нервной, умной, роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдаютъ, умираютъ образованные слои западной жизни.

Но какъ-же это случилось? Что за нравственный самумъ подулъ на образованный міръ?... Все прогрессъ да прогрессъ, свободныя учрежденія, желѣзныя дороги, реформы, телеграфы?...

Много хорошаго дѣлается, много хорошаго накапливается; а самумъ-то дуетъ себѣ да дуетъ, какими-то memento mori, постоянно усиливаясь и сметая передъ собой все что на пути. Сердиться за это также нечего, какъ сердиться на бѣлокъ за то, что онѣ линяютъ, на море за то, что послѣ прилива (и какъ на смѣхъ въ самую лучшую минуту его) начинается отливъ. Къ этому колебанью, къ этому ритму всего сущаго, къ этой смѣнѣ дня ночью, пора привыкнуть.

Эпоха линянья, въ которой мы застали западный міръ, самая трудная, новая шкура едва показывается, а старая окостенѣла какъ у носорога — тамъ трещина, тутъ трещина, но en gros она держится крѣпко и при-

росла глубоко. Это положеніе между двухъ шкудъ необычайно тяжело. Все сильное страдаетъ, все слабое выбивавшееся на поверхность портится; процессъ обновленія неразрывно идетъ съ процессомъ гніенія и который возметъ верхъ — неизвѣстно.

Дай мнѣ объяснить мою мысль въ слѣдующемъ письмѣ. Можетъ я и успѣю тебѣ доказать, что это не manière de dire, не субъективное негодованіе (трудно въ самомъ дѣлѣ имѣть личность съ всемірной исторіей), а нѣсколько чертъ подмѣченныхъ глазами свободными отъ куриной слѣпоты школьнаго доктринаризма и отъ темной воды мистицизма.

Письмо шестое.

Мы остановились на томъ, что не надобно сердиться на бѣлокъ за то, что онѣ линяютъ и за то что всякій годъ зима слѣдуетъ за лѣтомъ. Признаніе неотвратимаго — сила. Только зная морскіе токи и постоянно смѣняющіеся экваторіальные вѣтры и можно плавать по океану.

Вглядись какъ вообще дѣла дѣлаются въ природѣ. Въ каждой формаціи, въ образованіи каждаго вида, развитіе идетъ на тѣхъ началахъ, съ которыми опредѣлилось зачатіе. Оно укрѣпляется, обособляется, получаетъ больше или меньше безвозвратный характеръ, отъ взаимнаго дѣйствія развивающихся началъ и среды. Новые элементы могутъ превзойти, новыя условія мо-

гутъ измѣнить направленіе, могутъ остановить начатое и замѣнить его совсѣмъ инымъ; но опредѣлившееся развитіе, если оно не утратитъ своей индивидуальности, если оно продолжится, пойдетъ далѣе непремѣнно съ своей особенностью, развивая свою односторонность и односторонность своей среды, т. е. свой частный случай. Это нисколько не мѣшаетъ сосѣдямъ, по пространству или по времени, развивать всевозможныя варіаціи на ту-же тему, съ разными восполненіями и недостатками, съ своими односторонностями, сообразными другимъ условіямъ и другой средѣ. Только при началѣ образованія видовъ есть неопредѣленная и безхарактерная эпоха, эпоха такъ сказать дозоологическаго состоянія въ яйцѣ и зародышѣ.

О перерожденіи животныхъ видовъ мы очень мало знаемъ. Вся исторія ихъ вообще совершилась за спиной человѣка и въ огромные періоды лѣтъ, въ которыхъ не было свидѣтеля. Передъ нами стоятъ теперь оконченные, осѣдлые типы, до того далекіе другъ отъ друга, что всякій переходъ между ними невозможенъ. За каждымъ животнымъ просвѣчиваетъ длинная исторія — стремленій, прогресса, avortement и уравновѣшенія, въ которомъ формы его успокоились наконецъ, не выполнивъ смутнаго идеала своего, но остановившись на возможномъ, на русскомъ „живетъ и такъ.“

Само собою разумѣется, что естественныя явленія не имѣютъ ни въ чемъ ни рѣзкихъ границъ, ни безвозвратныхъ приговоровъ. Пріостановившееся творчество, сведенное на одно повтореніе, можетъ всегда быть разбужено; оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешло изъ

подъ вліяній теллурическихъ подъ вліяніе человѣка, и онъ своей культурой развилъ растительные и животные виды, которые сами собою не развились бы.

Вее это бросаетъ огромный свѣтъ на вопросы насъ занимающіе.

Исторія представляетъ намъ на самомъ дѣлѣ схваченную, неосѣвшую, осѣдающую формацію, и притомъ хранящую въ памяти главныя фазы своего развитія и ихъ переливы. Однѣ части рода человѣческаго достигли соотвѣтствующей формы и побѣдили исторію; другія въ разгарѣ дѣятетьности и борьбы творятъ ее; третьи, какъ недавно обсохнувшее дно моря, готовы для всякихъ сѣмянъ, для всякихъ посѣвовъ и всѣмъ даютъ неистощенную тучную почву.

Такъ какъ нельзя сказать глядя на тихое море, что оно черезъ часъ не будетъ вовлечено въ бурю — такъ нельзя положительно утверждать, что Китай напримѣръ или Японія будутъ продолжать вѣка и вѣка свою отчужденную, замкнутую, остановившуюся форму бытія. Почемъ знать, что какое-нибудь слово не падетъ каплей дрожжей въ эти сонные милліоны и не подниметъ ихъ къ новой жизни? Но если мы не имѣемъ права безусловнаго, непреложнаго заключенія, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ, всматриваясь и наблюдая, мы не имѣли права дѣлать никакихъ заключеній. Рыбакъ, глядящій на безоблачное небо, во время безвѣтрія, почти навѣрное будетъ правъ, предполагая что черезъ часъ не будетъ бури.

Я только этого права и добиваюсь въ разсматриваніи современной исторіи. Для меня очевидно, что за-

падный міръ доразвился до своихъ границъ... и въ послѣдній часъ у него не достаетъ духу ни перейти ихъ, ни довольствоваться пріобрѣтеннымъ. Тягость современнаго состоянія основана на томъ, что на сію минуту дѣятельное меньшинство не чувствуетъ себя въ силахъ, ни создать формы быта соотвѣтствующаго новой мысли, ни отказаться отъ старыхъ идеаловъ, ни откровенно принять—выработавшееся по дорогѣ мѣщанское государство — за такую соотвѣтствующую форму жизни германороманскихъ народовъ, какъ соотвѣтственна китайская форма — Китаю.

Мучительное состояніе, колебанье и нерѣшительность, дѣлаютъ жизнь Европы—невыносимой. Успокоится-ли она, отбрасывая предразсудки прошлаго и упованья на будущее, или безпокойный духъ западныхъ вершинъ и низовъ смоетъ новыя плотины, я не знаю — но во всякомъ случаѣ считаю современное состояніе какимъ-то временемъ истомы и агоніи. Нельзя жить между двумя идеалами.

Одинъ примѣръ, со всѣми подробностями, даетъ намъ исторія.

Длинный процессъ окончанія древняго міра и водворенія міра христіанскаго представляютъ намъ всѣ формы исторической смерти, переселенія душъ и рожденія. Цѣлые государства остановились, вышли изъ движенія, не взошли въ христіанскую формацію, одряхлѣли и разрушились; дикія племена, едва собранныя въ правильныя стада, сложились рядомъ съ ними въ новые, сильные государственные организмы..... а Римъ, древній го-

родъ по превосходству, переродился въ городъ по превосходству католическій.

Тѣ, которые отрицаютъ внутреннюю необходимость смерти древняго Рима и находятъ, что онъ убитъ насильственно, забываютъ одно, что всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежитъ въ понятіи живаго организма—она внѣ его, за его предѣломъ. Старчество и болѣзнь протестуютъ своими страданіями противъ смерти, а не зовутъ ее, и найди они въ себѣ силы или внѣ себя средства, они побѣдили-бы смерть.

Варвары — варварами, но не надобно думать, что вся болѣзнь античнаго міра была отъ побоевъ. Мысль его, съ тацитовскихъ временъ, явнымъ образомъ становилась мрачной, усталой. Тягость, тоска, доходили до самоубійства, до того, что весь міръ чуть не сошелъ съума, и дѣйствительно повредился, повѣривъ самой несбыточной теодиціеѣ и самому неестественному спасенію — принявъ отчаяніе за утѣшеніе и религію смерти за новую жизнь. Люди, которые не могли сойти съума, удалялись съ общей сатурналіи похоронъ, — похоронъ въ розовыхъ вѣнкахъ за амфорами винъ, похоронъ въ вѣнкахъ терновыхъ, съ плачемъ о грѣхахъ міра сего— удалялись двумя небольшими дверями стоицизма и скептицизма.

Возлѣ людей, презиравшихъ смерть, возлѣ людей не вѣрившихъ жизни, возлѣ фанатиковъ шедшихъ на разрушеніе древней вѣси до послѣдняго камня, и фанатиковъ ожидавшихъ, что древняя вѣсь возникнетъ съ допуническими добродѣтелями — была томпаковая посредственность, толпа не слѣпыхъ и не зрячихъ, то-

лпа міоповъ, которые за недосугомъ ежедневныхъ заботъ, за военными новостями, за сенатскими дѣлами, придворными сплетнями, схоластической меледой и безконечной задачей домашняго хозяйства — ничего не видали, ни Катилину, ни смерти, пожимали плечами слушая бредъ христіанскихъ якобинцевъ, презирали варваровъ и смѣялись надъ ихъ неотесанностью, не догадываясь, что эти лѣсные готентоты, бѣлобрысые и длинноволосые, идутъ на историческую смѣну.

Отслужили и варвары свою службу, отстояли свои часы — страшно богатая и широкая эпоха развилась ими, но и они дошли до предѣловъ своего образованія — имъ приходится отрѣчься отъ основныхъ началъ своихъ, или въ нихъ успокоиться.

Міру современной цивилизаціи очень трудно сладить съ новыми началами мучащими его. Что можно было поправить—поправлено, что переворотить—переворочено; далѣе приходится, хранить пріобрѣтенное или выйти изъ той односторонности, изъ того частнаго случая, который составляетъ его личность. Послѣднее слово католицизма сказано реформаціей и революціей; онѣ обнаружили его тайну; мистическое искупленіе—разрѣшено политическимъ освобожденіемъ. Символъ вѣры никейскаго собора, основанный на отпущеніи грѣховъ, выразился признаніемъ правъ каждаго человѣка—въ символѣ послѣдняго вселеннаго собора, т. е. конвента 1792 года. Нравственность іудейскаго пролетарія и евангелиста Матѳѣя—таже самая, которую проповѣдуетъ женевскій пролетарій и деистъ Ж. Ж.-Руссо. Вѣра, любовь и надеж-

да при входѣ, свобода, братство и равенство при выходѣ.

Въ громахъ и ураганахъ, слѣдовавшихъ за торжественнымъ 1789 годомъ, завершился германо-роланскій міръ. Землетрясеніе французской революціи шло вершинами и пропастями, великимъ и страшнымъ, побѣдами и терроромъ, частными обрывами и потрясеніями — до 1848 года—тутъ аминь, nec plus ultra. Катаклизмъ, поднявшійся со временъ возрожденія и реформы—окончился.

Внутри идетъ работа — ночная работа, микроскопическое тканье, вывѣтриваніе и наносы, „мышья бѣготня“ исторіи, вулканическая работа подъ землей, просасываніе волосяными сосудами прошлой осени въ будущую весну. Вверху страшныя сновидѣнія, мертвецы въ старыхъ доспѣхахъ и старыхъ тіарахъ и фантастическіе, несбыточно свѣтлые образы, мучительныя страданія, безумныя надежды, горькое сознаніе своей слабости и безсилія разума. Внизу бездонная пропасть стихійныхъ страстей доисторическаго сна, дѣтскихъ грезъ, циклопической, кротовой работы; на это дно — и голосъ человѣческій не доходитъ, какъ вѣтеръ не доходитъ до глубины морской; иной разъ только слышится тамъ военная труба и барабанъ, зовущіе на кровь, обѣщающіе убійства и дающіе раззореніе.

Между фантастами на верху и дикими внизу колышется среднее состояніе, не имѣя ни силы гордо сказать свое Я царь! ни самоотверженія идти въ іезуиты, или въ соціалисты.

Этотъ слой колеблющійся между двумя нра-

вственностями и представляетъ, именно своимъ колебаніемъ, ту среду порчи, о которой идетъ рѣчь.

— Да какъ это между двумя нравственностями? Что такое между двумя нравственностями? И развѣ есть двѣ нравственности, развѣ не одна вѣчная, безусловная нравственность, une et indivisible?

— Можетъ ты и не спросишь меня этого; да я ужъ очень настращался вашими „веймарскими геніями“ съ Неглинной; ихъ строго-ученое непониманье, ихъ педантская тугость и сенаторская важность дворецкихъ науки, ихъ языкъ — не то чтобъ гуманный, а все таки напоминающій „людскую,“ наконецъ... да ужъ лучше я отвѣчу тебѣ, хотя и придется опять зады протверживать.

Что дѣлать съ тѣмъ, что абсолютная нравственность дѣлитъ судьбу всего абсолютнаго, т. е. что она внѣ теоретической мысли, внѣ отвлеченій вовсе не существуетъ. Нравственностей нѣсколько и всѣ онѣ очень относительныя т. е. историческія.

Первые христіане высказали это очень прямо, очень смѣло, безъ обиняковъ, и объявивши что новый Адамъ принесъ новую нравственность, что языческія добродѣтели для христіанина—блестящіе пороки, что мудрость однихъ — безуміе другихъ, закрыли Платона, закрыли Цицерона, и пошли тащить съ пьедесталей златовласыхъ Афродитъ, волоокихъ Геръ и другія грѣшныя святыни старой нравственности.

Плиній смотрѣлъ на нихъ какъ на дураковъ, Траянъ презиралъ ихъ, Лукьянъ хохоталъ надъ ними, а они начали новый міръ и новую нравственность. Ихъ новая

нравственность въ свою очередь сдѣлалась старой. Объ этомъ у насъ только и идетъ рѣчь.

Революція, что могла, секуляризовала изъ катехизиса, но революція также какъ реформація стояли на церковномъ погостѣ; у Эгмонта и Альбы, у Кальвина и Гиза, у Людвига XVI и Робеспьера были общія вѣрованія; они отличались, какъ раскольники — оттѣнками. Вольтеръ, пріѣхавшій закутавшись въ шубу, въ каретѣ, смотрѣть восхожденіе солнца и ставшій на дрожащіе колѣна съ молитвой на устахъ, Вольтеръ благословившій Франклинова внука „во имя бога и свободы," такой-же богословъ, какъ Василій Великій и Григорій Назіанзинъ, только разныхъ толковъ. Лунный, холодный отсвѣтъ католицизма — прошелъ всѣми судьбами революцій и, въ двѣнадцатый часъ ея, еще развернулъ хоругвь съ надписью Dio e Popolo!

Кое-гдѣ на вершинахъ начинается заря новаго дня и борется съ мѣсячнымъ свѣтомъ, обличая вопіющее противурѣчіе вѣры и сознанія, церкви и науки, закона и совѣсти, но объ этомъ на долинахъ не знаютъ. Это для малаго числа избранныхъ.

Честный союзъ науки съ религіей невозможенъ, а союзъ есть; отсюда и дѣлай заключеніе о нравственности, которая основана на такомъ союзѣ. Дѣло въ томъ, что разумъ боясь скандала скрываетъ свою истину, наука скрываетъ свою беременность новымъ искупителемъ — не отъ Іеговы, а отъ Пана и обѣ отмалчиваются, шепчутся, говорятъ шифрами, или просто лгутъ, оставляя людей въ совершенномъ хаосѣ сбивчивыхъ по-

нятій, въ которыхъ молитвы о дождѣ смѣшаны съ барометрами, химія съ чудесами, телеграфы съ четками.

И это все какъ-то рутинно, по привычкѣ, вѣрь не вѣрь, только исполняй извѣстныя приличія. Кто обманутый? Для чего все это? Одно обязательное правило и осталось сильнымъ и общепринятымъ: думай какъ знаешь — но лги какъ другіе.

Съ вѣрой можно было ждать вѣка Мессію и торжество Израиля; пророки могутъ вести народы видѣньями и страстными словами, но не могутъ вести скрывая даръ пророчества, или поклоняясь Ваалу.

Чему-же дивиться, что пустота жизни ростетъ съ страшной быстротой, наталкивая людей неяснымъ пониманьемъ, мертвящей скукой, на всякаго рода безумья— отъ игры на биржѣ до игры въ вертящіеся столы?

По видимому все идетъ въ порядкѣ: солидные люди заняты ежедневными заботами, своими дѣлами, возможными цѣлями, они ненавидятъ всякія утопіи и всѣ перехватывающіе идеалы — а въ сущности это не такъ, и сами солидные люди съ своими праотцами, все что ни выработали хорошаго, выработали постоянно идучи за радугой и осуществляя невозможности въ родѣ католицизма, реформаціи, революціи. Этихъ-то радугъ больше и нѣтъ, но крайней мѣрѣ оптическій обманъ не обманываетъ больше.

Всѣ прежніе идеалы потухли, всѣ до единаго отъ распятія до фригійской шапки.

...Помнишь-ли ты ту страшную картину въ рядѣ геніальной галиматьи Ж. П. Рихтера, въ которой онъ представляетъ, не понню à propos чего, какъ всѣ каю-

щіеся народы бѣгутъ, въ день страшнаго суда, испуганные къ кресту, молясь о спасеніи, о ходатайствѣ сына божія; Христосъ отвѣчаетъ коротко: „у меня нѣтъ отца!“

Такой отвѣтъ раздается теперь со всѣхъ крестовъ, къ которымъ подходятъ уповающіе народы, измученные борьбой, измученные путемъ. Съ каждой Голгоѳы громче и громче раздается „У меня нѣтъ свободы!“ — „У меня нѣтъ равенства!“ — „У меня нѣтъ братства!“ И обманутая надежда тухнетъ одна за другой, бросая догорающіе лучи на печальные образы Донъ-Кихотовъ, упорно не хотящихъ слышать голоса съ Голгоѳы... Они машутъ людямъ, чтобъ тѣ шли скорѣе за ними и одинъ за другимъ исчезаютъ въ мглѣ зимнихъ сумеркъ.

И это не все, люди съ двойнымъ ужасомъ стали разглядывать, что у революціи — не только нѣтъ отца, но нѣтъ и сына.

Страшные, безплодные Іюньскіе дни 1848, были протестомъ отчаянія; они не создавали, они разрушали — но разрушаемое оказалось крѣпче. Съ взятіемъ послѣдней барикады, съ отправкой послѣдней депортаціи безъ суда, настаетъ эра новаго порядка. — Утопія демократической республики улетучилась такъ-же, какъ утопія царства небеснаго на землѣ. Освобожденіе оказалось окончательно такъ-же несостоятельнымъ какъ искупленіе.

Но общественное броженіе не на столько успокоилось, чтобъ люди занялись тихо своимъ дѣломъ; надобно было занять умы, а безъ утопій, безъ эпидемическихъ увлеченій идеалами плохо. Хорошо еще, еслибъ безъ

нихъ, обманутыя въ ожиданіи народныя массы — только бы плѣснили и загнивали на ирландскій манеръ какъ стоячая вода; а то пожалуй они поднимутся одичалые и попробуютъ своими самсоновскими мышцами — крѣпкили столбы общественной храмины, къ которымъ онѣ прикованы!

Гдѣ-же взять безопасные идеалы?

Затрудняться нечего — въ душѣ человѣческой обителей много. Сортировка людей по народностямъ становилась больше и больше бѣднымъ идеаломъ въ этомъ мірѣ схоронившимъ революцію.

Политическія партіи распустились въ національныя — это не только шагъ за революцію, но шагъ за христіанство. Обще-человѣческія стремленія католицизма и революцій уступили мѣсто языческому патріотизму и честь знамени осталась единственной, неприкосновенной честью народовъ. И еслибъ Южная Америка не дралась съ геройствомъ за рабство, можно было бы думать, что міръ только и дерется изъ за зоологическаго распорядка по видамъ.

Когда мнѣ приходитъ въ голову, что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ парижскихъ салонахъ, гуляка и шутъ Ромье проповѣдывалъ во всеуслышаніе, что возбужденныя революціонныя силы надобно своротить съ ихъ страшной дороги и направить на вопросы національные, пожалуй династическіе — я невольно, по старой памяти, краснѣю отъ стыда.

Воевать за что-бъ то ни было надобно, иначе въ этомъ застоѣ нападетъ китайскій сонъ — ну а его долго

не разбудишь. Да нужно-ли будить? — Въ этомъ-то и вопросъ.

Послѣднимъ Могиканамъ XVIII столѣтія, Донъ-Кихотамъ революціи, соціалистамъ, и долею литераторамъ, поэтамъ и вообще всякимъ эксцентричностямъ спать не хочется и они, на сколько могутъ, мѣшаютъ массамъ — заснуть голландскимъ сномъ. Нерѣчистое мѣщанство, книжнаго языка, совѣстится признаться, что ему спать хочется и туда-же бормочетъ въ полу-снѣ неясныя слова о прогрессѣ, свободѣ...

Будить надобно войной. А есть-ли во всей оружейной палатѣ прошлаго — знамя, хоругвь, слово, идея, изъ за которыхъ-бы люди пошли драться, которыхъ-бы они не видали — опозоренными и въ грязи... suffrage universel можетъ быть?...

Нѣтъ, не пойдетъ человѣкъ нашего времени ни за одинъ развѣнчанный идолъ, съ тѣмъ свѣтлымъ самоотверженіемъ, съ которымъ шелъ его предокъ на костеръ за право пѣть псалмы, съ той гордой самоувѣренностью, съ которой шелъ его отецъ на гильотину — за единую и нераздѣльную республику. Вѣдь онъ знаетъ, что ни псалмы, пѣтые по-нѣмецки, ни освобожденіе народовъ по-французски, ни къ чему не ведутъ.

А за *незнакомаго бога* тайкомъ идущаго, за стѣнкой — умирать нельзя. Пусть онъ прежде скажетъ, кто онъ такой, пусть признаетъ себя за бога и съ дерзостью св. Августина скажетъ въ глаза старому міру, что его „добродѣтели — пороки, что его истины — нелѣпость и ложь.“

Ну — это будетъ не сегодня и не завтра.

Благоразумный человѣкъ нашего вѣка, какъ Фридрихъ II — esprit fort въ своей комнатѣ и esprit accomodant на площади. Входя въ свой кабинетъ, изъ котораго высылались лакеи, король дѣлался философомъ; но выходя изъ него, философъ дѣлался королемъ.

...Вотъ тутъ-то „быки и стоятъ передъ горой!“

А впрочемъ, нельзя отрицать, что свѣтъ разума все больше и больше разсѣеваетъ тьму предразсудковъ.... всего досаднѣе, что людямъ недосугъ и рано умираютъ —только начнетъ въ умъ входить человѣкъ, глядишь, а уже и несутъ на кладбище. Невольно вспомнишь извѣстную лошадь, которую пасторъ совсѣмъ было отъучилъ отъ ѣды, да смерть помѣшала.

...Въ альпійскихъ ледникахъ всякое лѣто оттаиваетъ кора льда, но масса его такъ толста, что осень всякой разъ захватываетъ на полдорогѣ дѣло лучей солнечныхъ и кора опять начинаетъ замерзать,—иногда впрочемъ не достигая прежней толщины. Метеорологи расчитывали много разъ, сколько вѣковъ и вѣковъ необходимо лѣту работать надъ зимой, чтобъ распустить весь ледъ. Многіе сомнѣваются, чтобъ вообще солнце само по себѣ дошло до этого, — развѣ вулканическій взрывъ поможетъ.

Въ исторіи этотъ счетъ еще не дѣланъ.

20 Октября, 1862.

Письмо Седьмое.

Шесть дней на работу, а седьмой на отдыхъ. Не даромъ Моисей и Прудонъ защищаютъ день субботній.

Однообразный трудъ страшно утомляетъ. Надобно періодическія паузы, въ которыя человѣкъ, вымывши руки и надѣвъ чистое платье, идетъ не на работу—а гулять, посмотрѣть на добрыхъ людей, посмотрѣть на природу, одуматься, свободно вздохнуть, „воскреснуть.“*

Вотъ и я сдѣлалъ себѣ изъ моей періодической болтовни о „Концахъ и Началахъ“ воскресную рекреацію, и ухожу въ нее отъ ежедневныхъ диссонансовъ, газетныхъ мерзостей и будничныхъ споровъ, въ которыхъ мѣняются часы и числа, но мнѣнія и рѣчи остаются тѣже..... ухожу какъ въ какую нибудь отдаленную келью, изъ оконъ которой не видать многихъ подробностей, не слыхать многихъ звуковъ, но ясно видны молчащіе очерки близкихъ и далекихъ горъ и внятно доходитъ морской гулъ.

Можетъ ты найдешь, что я не весело праздную свои праздники — вспомни, что я въ Англіи, гдѣ изъ всѣхъ скучныхъ дней, воскресенье самый скучный.

Ну чтожъ дѣлать, поскучай еще разъ, а я съ своей стороны постараюсь какъ можно забавнѣе тебѣ разсказать тѣ печальныя вещи, о которыхъ мы говоримъ.

Да точно-ли онѣ печальны? И не пора-ли еслибъ и въ самомъ дѣлѣ было такъ — примириться съ ними? Нельзя вѣчно горевать о вещахъ, которыя не въ нашей волѣ перемѣнить. Не лучше-ли по добру да по здорову провѣрить приходо-расходныя книги, достающіяся намъ по наслѣдству и, забывая неумѣренныя траты и нево-

* Sie feiern die Auferstehung des Herrn,
Denn Sie sind selber auferstanden
Aus niedrigen Häuser, dumpfen Gemächen.—Faust.

знаградимыя потери, принять съ смиреніемъ духа итогъ —за новую точку отправленія. Тоскуй сколько хочешь, дѣлу не поможешь; мало-ли кто какъ могъ употребить свой наслѣдственный капиталъ; мало-ли кто что грезилъ получая его и что мы грезили за него..... Симфонія эроика кончена, начинается дѣловая жизнь. Вино отшипѣло, будемъ пить сухую tisanne de champagne. Оно не такъ вкусно, но говорятъ здоровѣе.

Сегодня я въ особенно кроткомъ расположеніи духа и невольно склоненъ къ оптимизму и розовому цвѣту.

Дѣло вотъ въ чемъ, часть образованнаго міра страждетъ стародѣвической тоской — о счастіи, котораго она не утратила, а вовсе не имѣла. И вмѣсто того, чтобъ твердо рѣшиться на вдовство безъ замужства, хнычетъ о томъ, что идеалъ молодыхъ лѣтъ не похитилъ, не увезъ... что дѣлать? — не увезъ, а теперь поздно.

Люди досадуютъ за то, что у нихъ нѣтъ крыльевъ и отъ этого не заботятся объ обуви. Тягость европейской жизни въ наиболѣе развитыхъ слояхъ въ прямой зависимости отъ ея ложнаго положенія между несбыточными мечтами и пренебреженіемъ того что есть.

Рядомъ съ христіанскими идеалами серафимскихъ крыльевъ, больше и больше пропадающими въ мракѣ прошедшаго, и идеалами другихъ крыльевъ, исчезающихъ въ будущемъ,—сложился цѣлый самобытный міръ, на который мечтатели сердятся за то, что онъ исполнилъ то что могъ, а не то что они ожидали, т. е. не крылья. Пока этотъ міръ не признаютъ оффиціально власть и право имущимъ, до тѣхъ поръ продолжится лихорадочное броженіе, постоянная ложь въ жизни, невольная

измѣна и своему идеалу и практической реальности — которая обличается въ безпрерывномъ противурѣчіи словъ и дѣлъ, фразы и поведенія.

Міръ этотъ не боекъ на словахъ и не рѣчистъ, не смотря на то, что онъ создалъ великій рычагъ, стоящій рядомъ съ паромъ и электричествомъ, рычагъ афиши, объявленій, рекламъ. Онъ не умѣетъ se faire valoir, стать во весь ростъ, во всю толщину и громко сказать народамъ: „Я Альфа и Омега вашего развитія; идите ко мнѣ и я успокою васъ, дамъ что дать можно; но перестаньте толкаться во всѣ двери, которыя вамъ не отпираются, — однѣ потому, что некому отпереть, другія потому, что никуда не ведутъ. Помните наконецъ, что нѣтъ вамъ бога развѣ меня и перестаньте поклоняться всѣмъ кумирамъ на свѣтѣ и желать всякихъ крыльевъ на свѣтѣ. Поймите, что нельзя проповѣдывать въ одно и тоже время христіанскую нищету и политическую экономію, соціальныя теоріи и безусловное право собственности. Доселѣ моя власть существуетъ какъ фактъ, но не какъ признанная основа нравственности, даже не какъ знамя, и еще хуже—меня отрицаютъ, меня оскорбляютъ въ церквахъ и академіяхъ, въ аристократическихъ залахъ и сходкахъ клубистовъ, въ рѣчахъ и въ проповѣдяхъ, въ романахъ и журналахъ..... Мнѣ надоѣла роль богатой провинціальной родни, отъ которой столичные фаты получаютъ деньги и домашніе запасы, но о которой умалчиваютъ или говорятъ краснѣя. Я не только хочу царствовать, но хочу одѣться въ порфиру.“

Да, любезный другъ, пора придти къ покойному и

смиренному сознанію, что мѣщанство окончательная форма западной цивилизаціи, ея совершеннолѣтіе—état adulte; имъ замыкается длинной рядъ его сновидѣній, оканчивается эпопея роста, романъ юности — все вносившее столько поэзіи и бѣдъ въ жизнь народовъ. Послѣ всѣхъ мечтаній и стремленій... оно представляетъ людямъ скромный покой, менѣе тревожную жизнь и посильное довольство — не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжкимъ трудомъ свои зимнія квартиры. Пусть другіе покажутъ свою прыть. Время отъ времени конечно будутъ еще являться люди прежняго броженія, героическихъ эпохъ, другихъ формацій — монахи, рыцари, квекеры, якобинцы, — но ихъ мимолетныя явленія не будутъ въ силахъ измѣнить главный тонъ.

Великіе стихійные ураганы, поднимавшіе всю поверхность западнаго моря, превратились въ тихой морской вѣтерокъ — не опасной кораблямъ, но способствующій ихъ прибрежному плаванью. Христіанство обмелѣло и успокоилось въ покойной гавани реформаціи; обмелѣла и революція въ покойной гавани либерализма. Протестантизмъ, суровый въ мелочахъ религіи, постигъ тайну примиренія — церкви, презирающей блага земныя, съ владычествомъ торговли и наживы. Либерализмъ, суровый во всѣхъ политическихъ мелочахъ, умѣлъ соединить еще хитрѣе постоянный протестъ противъ правительства съ постоянной покорностью ему.

Съ такой снисходительной церковью, съ такой ручной революціей... западный міръ сталъ отстаиваться, уравновѣшиваться; все что ему мѣшало утягивалось мало

по малу въ тяжелѣвшіе волны — какъ насѣкомыя захваченныя смолой янтаря. Задыхаясь испустилъ крикъ боли и досады Байронъ и бѣжалъ, одинъ изъ первыхъ, куда-нибудь... въ Грецію.* Стоически оставшись въ Франкфуртѣ, медленно задыхался Шопенауеръ, помѣчая, какъ Сенека, съ разрѣзанными венами, прогрессъ смерти и привѣтствуя ее какъ избавительницу... Это нисколько не мѣшало повороту всей европейской жизни въ пользу тишины и кристаллизаціи, напротивъ онъ становился яснѣе и яснѣе. Личности стирались, родовой типизмъ сглаживалъ все рѣзко индивидуальное, безпокойное, эксцентрическое. Люди, какъ товаръ, становились чѣмъ-то гуртовымъ, оптовымъ, дюжиннымъ, дешевле, плоше врозь, но многочисленнѣе и сильнѣе въ массѣ. Индивидуальности терялись, какъ брызги водопада, въ общемъ потопѣ, не имѣя даже слабаго утѣшенія „блеснуть и отличиться проходя полосой радуги.“ Отсюда противное намъ, но естественное равнодушіе къ жизни ближняго и судьбѣ лицъ: дѣло въ типѣ, дѣло въ родѣ, дѣло въ дѣлѣ — а не въ лицѣ. Сегодня засыпало въ угольной копнѣ сто человѣкъ, завтра будутъ засыпаны пятьдесятъ; сегодня на одной желѣзной дорогѣ убито десять человѣкъ, завтра убьютъ пять... и всѣ смотрятъ на это какъ на частное зло. Общество предлагаетъ страховаться... что-же оно можетъ больше сдѣлать?... Въ перевозимомъ товарѣ, живомъ и мертвомъ, оттого что убили чьего-нибудь отца или сына, недоста-

* До какой степени развитые люди чувствовали тогда свое отчужденіе и выдумывали себѣ жизнь, занятія и пр., ты можешь ясно видѣть въ Recollections of the last days of Byron and Shelley—Трелоне.

тка не можетъ быть; въ живыхъ снарядахъ для углекопней тоже. Нужна лошадь, нуженъ работникъ, а ужъ именно саврасая-ли лошадь или работникъ Анемподистъ —совершенно все равно. Въ этомъ все равно, вся тайна замѣны лицъ массами, поглощеніе личныхъ самобытностей родомъ.

Одна буря было подымалась, грозя всѣхъ разбудить и помѣшать мѣщанской кристализаціи, снести колокольни и каланчи, ограды и таможни, но во время отведенная громоотводами—она внѣ игры. И легче себѣ представить Европу, возвратившуюся въ католицизмъ временъ Григорія Гильдебрандта по приглашенію Донозо Кортеса и графа Монталамбера, чѣмъ соціальной республикой по рецепту Фурье или Кабэ. Впрочемъ кто-же теперь серьезно говоритъ о соціализмѣ! Съ этой стороны западный міръ можетъ быть доволенъ — ставни закрыты, зарницъ не видать, до грому далеко... онъ можетъ спокойно покрыться стеганымъ одѣяломъ, повязать фуляръ и погасить свѣчу.

Gute Nacht, Gute Nacht,
Liebe Mutter Dorothee!

Но у бѣдной матери Доротеи, какъ у Гретхенъ, братъ солдатъ и, какъ всѣ солдаты, любитъ шумъ и драку и не даетъ спать. Она-бы его давно сбыла съ рукъ, да есть кой-какіе дорогіе пожитки, такъ на счетъ голодныхъ сосѣдей безъ сторожа нельзя. Ну, а брату мало быть сторожемъ — амбиція, я, говоритъ, рыцарь, жажду подвиговъ...

...Да, еслибъ можно было свести войско на опричниковъ собственности, на тѣлохранителей капитала и

лейбъ-гвардію имущества, все-бы быстро достигнуло прочнаго, окончательнаго строя. Но въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго и наслѣдственный рыцарскій духъ мѣшаетъ покойному осажденію докипающей жизни, и поддерживаетъ броженіе. Какъ грабежъ и ни заманчивъ, и кровожадность ни естественна людямъ вообще, но гусарская удаль и суворовскій задоръ не совмѣстны съ совершеннолѣтіемъ, съ ровнымъ и тихимъ развитіемъ. Отвращеніе Китая отъ всего военнаго гораздо понятнѣе у сложившагося народа, чѣмъ николаевское пристрастіе къ „выпушкамъ, погончикамъ, петличкамъ."

Вотъ тутъ и загвоздка! Что дѣлать съ великимъ народомъ, который хвастается тѣмъ, что онъ народъ военный, который весь состоитъ изъ зуавовъ, пью-пью и французовъ, т. е. тоже солдатъ?...

Peuple de France, peuple de braves!

Смѣшно говорить о покойныхъ ночахъ, прогулкахъ при лунномъ свѣтѣ, о свободѣ политической, торговой и всяческой, когда пятьсотъ тысячь штыковъ, праздныхъ и скучающихъ, требуютъ заявить свое „право на работу."

На то гальскій пѣтухъ и пѣтухъ, чтобъ ни одна индѣйка, ни одна утка и ни одинъ гусь въ Европѣ не дремалъ покойно.

Въ самомъ дѣлѣ, перейди Франція изъ военной службы—въ штатскую (безъ службы она ужъ не можетъ жить) и все пойдетъ какъ по маслу. Англія броситъ въ море ненужныя ружья, купленныя для рейфльменовъ, мой grocer Джонсонъ (and Son) первый промѣняетъ свой штуцеръ на удочку и пойдетъ въ Темзѣ удить рыбу,

Кобденъ ослабитъ все что укрѣпилъ Пальмерстонъ и фельдмаршала Кембриджскаго выберутъ предсѣдателемъ Peace Society.

Но Франція и не думаетъ выходить изъ военной службы—да и нельзя; на кого оставить Мексику, папу римскаго, и безъ малаго единую Италію? Знамя замѣшано, дѣлать нечего!

Peuple de France, peuple de braves!

Какъ-же быть?

Позволь мнѣ на этомъ остановиться и разсказать новую встрѣчу съ однимъ старымъ знакомымъ; онъ смѣлѣй меня рѣшилъ этотъ вопросъ, потому-ли что онъ „поврежденный“ или потому его и считали „поврежденнымъ,“ что онъ имѣлъ куражъ говорить такія вещи—этого я не знаю.

Вотъ какъ было дѣло. Иду я какъ-то, года два тому назадъ по Странду, смотрю въ дверяхъ большой лавки съ дорожными вещами, хлопочетъ какая-то толстенькая, подвижная фигура, рѣзко не лондонская, съ разными признаками Италіи, въ свѣтлосѣрой шляпѣ, въ легкомъ желтомъ пальто и съ огромной черной бородой; мнѣ казалось, что я гдѣ-то видалъ ее ,всматриваюсь... онъ, точно онъ, мой здоровый, разбитной лекарь, съ волчьими зубами и веселостью хорошаго пищеваренія, тотъ самый лекарь, съ которымъ въ былыя времена мы „рѣзали собакъ и кошекъ,“ какъ онъ выражался, и то не въ Италіи, а въ анатомическомъ театрѣ московскаго университета.

— На этотъ разъ, сказалъ я русскому-итальянцу,

не вамъ первому достанется честь узнать стараго знакомаго.

— Eccolo! вотъ прелесть! скажите пожалуста—и онъ бросился меня цаловать, такъ коротко онъ познакомился со мной во время своего отсутствія.

— Если вы будете часто такъ поднимать обѣ руки, замѣтилъ я ему, у васъ непремѣнно отрѣжутъ дорожный мѣшочекъ.

— Знаемъ, знаемъ, классическая страна воровства... Помните Донъ-Жуанъ, ну тамъ въ концѣ, когда онъ возвращается въ Лондонъ.

— Помню. Ну а вашъ чудакъ съ вами?

— Какъ-же, разумѣется здѣсь, онъ меня ждать остался въ Hotel'ѣ, сунулся было на улицу, да тотчасъ назадъ, такая, говоритъ, толпа и духота, что морская болѣзнь сдѣлается, вотъ меня и послалъ купить кой-какія вещицы на дорогу, мы завтра отправляемся въ Техасъ.

— Куда?

— Въ Техасъ, ну знаете въ Америкѣ.

— За чѣмъ?

— А за чѣмъ жили въ Калабріи. Телемакъ-то мой ни на волосъ не перемѣнился, только эдакъ солиднѣе прежняго заговаривается. Помните какъ онъ вамъ толковалъ, что планета больна и что пора людямъ вылечиться отъ исторіи, вотъ онъ и убѣдился теперь, что леченіе въ Европѣ идетъ медленно, — исторія видите какъ пошла писать въ Италіи, ну онъ и ѣдетъ въ какой-то Техасъ. Я привыкъ къ нему, все по прежнему

споримъ цѣлый день, это людей ужасно связываетъ. Что-же, посмотримъ и Америку!

— Ну а что въ Калабріи?

— Ему-то тамъ сначала понравилось, т. е. по нашему вся Калабрія хуже послѣдняго уѣзднаго города въ какой-нибудь саратовской губерніи; тамъ хоть биліардъ есть, ну какая-нибудь вдовушка чиновница, ну хоть какая-нибудь солдатка въ слободкѣ, а тутъ разбойники, пастухи, да попы, да такіе что и не различишь который разбойникъ, который попъ. Наняли мы тамъ полуразвалившійся радклифовской вертепъ, ящерицы, бестіи, бѣлымъ днемъ по полу ходятъ, а ночью нетопыри по залѣ летаютъ, хлопъ въ стѣну, хлопъ. Я впрочемъ уѣзжалъ нѣсколько разъ и въ Неаполь и въ Палермо... А каковъ Гарибальди? Вотъ человѣкъ-то, съ такимъ не пропадешь!... А онъ все сидѣлъ въ своемъ замкѣ, только разъ съѣздилъ въ Римъ. Римъ ему по вкусу пришелся, будто сейчасъ пѣвчіи перестали пѣть „со святыми упокой!“ Гамлетъ, гробокопатель!

— А что, вашъ Гамлетъ показывается?

— Безъ сомнѣнія. Онъ поминалъ васъ нѣсколько разъ, „онъ, говоритъ, сбивается еще, а впрочемъ на хорошей дорогѣ“ ха! ха! ха!

— И то хорошо. Пойдемте къ нему.

— Съ удовольствіемъ.

Евгенія Николаевича я нашелъ сильно постарѣвшимъ. Лицо его больше покойное, получило какой-то клерикально задумчивой оттѣнокъ; сухая, матовая блѣдность придавала его лицу что-то не живое, темные обводы

около глазъ больше прежняго впавшихъ, дѣлали зловѣщимъ прежнее грустное выраженіе ихъ.

— Вы бѣжите отъ насъ, Евгеній Николаевичъ, за океанъ, сказалъ я ему.

— И вамъ совѣтую.

— Что-же такъ?

— Утомительно-съ очень здѣсь.

— Да вѣдь вы это знали и прежде, вы мнѣ говорили это восемь лѣтъ тому назадъ.

— Это правда, но признаюсь я думалъ, что будетъ война.

— Какая война?

— Война! и онъ покрутилъ рукой.

— Это вы въ Калабріи сдѣлались такимъ кровожаднымъ?

— Мнѣ собственно ничего, но больно быть свидѣтелемъ, вчужѣ жаль, особенно жаль молодое поколѣніе.

— Да войну вамъ на что? чтобъ помочь молодому поколѣнью?

— Я не виноватъ, вопросъ такъ сталъ. Выбора нѣтъ, или война — или раззоренье на содержаніе войска.

— Каюсь вамъ чистосердечно, что ясно вашей мысли не понимаю.

— Нашла коса на камень! вставилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Это оттого, что вы и сомнѣваетесь и не много вѣрите. Это бѣда-съ. „Ясно что столы не вертятся,“ а тутъ сомнѣніе, „ну а какъ столы въ самомъ дѣлѣ вертятся,“ оно и не ясно-съ. Вотъ Филиппъ Даниловичъ другое дѣло, онъ ортодоксъ, онъ и знаетъ какъ тамъ прогрессъ идетъ и

все такъ къ лучшему. А я вотъ какъ ни прикидываю, вижу, что люди заступили за постромку и все дальше и дальше несутся въ болото.

— Такъ это лошадь заступила за постромку, такъ ей ноги прочь, сейчасъ ампутацію. Радикальное леченіе!

— Найдите снадобье и ампутаціи не надобно. А какъ его нѣтъ, такъ такъ и оставить больнаго? Западные народы изъ силъ выбились, да и есть отчего, они хотятъ отдохнуть, пожить въ свое удовольствіе, надоѣло безпрестанно перестроиваться, обстроиваться, да ломать другъ другу домы. У нихъ все есть, что надобно —и капиталы и опытность и порядокъ и умѣренность, что-же имъ мѣшаетъ? Были трудные вопросы, были любимыя мечты, все улеглось. На что вопросъ о пролетаріатѣ—и тотъ утихъ. Голодные сами или сдѣлались ревностными поклонниками чужой собственности, въ надеждѣ пріобрѣсти свою, или сдѣлались тихими лаццарони индустріи, у которыхъ ропотъ и негодованіе сломлены вмѣстѣ со всѣми остальными способностями, и это безъ сомнѣнія одна изъ важнѣйшихъ заслугъ фабричной дѣятельности..... а покоя все нѣтъ какъ нѣтъ..... держи войско, держи флоты, трать все выработанное на защиту, кто-же кромѣ войны можетъ покончить со всѣмъ этимъ?

— Это гомеопатически клинъ клиномъ вышибать — замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Можно-ли, продолжалъ мой чудакъ, беззаботно работать въ своемъ садикѣ, зная что возлѣ, въ ущеліи какой-нибудь вертепъ бандитовъ, пандуровъ, янычаръ?

— Позвольте, перебилъ Филиппъ Даниловичъ, одно слово, пари на бутылку бургонскаго, что вы не знаете, кто эти тормазы просвѣщенья, прогресса—эти пандуры и янычары!

— Чтожъ Австрія и Россія?

— Ха, ха, ха — на вѣрнякъ обыгралъ, за вами бутылка шамбертен'.

— Ну помилуйте, замѣтилъ съ упрекомъ Евгеній Николаевичъ, что-же Австрія можетъ сдѣлать? Страна употребляетъ всѣ усилія, чтобъ не умереть, натягиваетъ всѣ мышцы, чтобъ части не расползлись, ну гдѣ-же ей кому-нибудь грозить? человѣкъ одной рукой придерживаетъ ногу, чтобъ она безъ него не ушла, а другой голову, чтобъ она не отвалилась. А тутъ говорятъ, что она на драку лезетъ. Пора и Россію, послѣ кампаніи, отчислить изъ пугалъ; ее не только никто не боится, но на нее никто и не надѣется больше, ни Сербы, ни Болгары, ни всѣ эти славянскіе патріоты, отыскивающіе съ IV столѣтія свое отечество и самобытность. Да это и хорошо, пусть Россія „чаетъ жизни будущаго вѣка," а въ настоящемъ отучаетъ чиновниковъ воровать да драться. Въ Европѣ есть гнеты, прессы почище устроенные, отъ которыхъ воздуха въ легкихъ и покоя въ сердцѣ не достаетъ.

— Такъ это вы Англію и Францію такъ честите?

— Безъ сомнѣнія, еще съ Англіей можно-бы было какъ нибудь сладить, она все эдакъ потихоньку, за угломъ, отрицательно давитъ, тутъ поддерживаетъ дряхлое, тамъ давнетъ такъ молодое, что оно рости перестанетъ; голоднаго встрѣтитъ, говоритъ ему: „чтожъ,

съ богомъ, ты свободный человѣкъ, иди, я тебя не держу.“ А Франція, ну помилуйте, одинъ баталіонъ — за барабаномъ и двумя дудками вся Франція пойдетъ куда хотите, въ Казань, Рязань; а въ Англію она и безъ барабана вплавь бросится, лишь бы въ докахъ-то, въ Сити похозяйничать, какъ въ пекинскомъ дворцѣ. Неправда-ли, какое чудо, что между ними нѣтъ войны? Кто могъ ждать, что эти два заклятыхъ врага, будутъ покойно смотрѣть другъ на друга, съ той ненавистью, которую не могли преодолѣть, ни вѣка, ни образованіе, ни торговая выгода—и притомъ сдвигаясь все ближе и ближе, такъ что ужъ между Парижемъ и Лондономъ остается только десять часовъ ѣзды? Съ одной стороны Ламанша legion d'honneur, съ другой habeas corpus, и они терпятъ другъ друга! Понимаете-ли вы это, такъ страстно ненавидѣть и не имѣть духу? — Послѣ этого я рѣшительно въ Техасъ.

— Понять трудно, это правда, но что оно такъ, это не совсѣмъ дурно. Вотъ уже когда ваша война будетъ и французы переплывутъ Ламаншъ, разумѣется, чтобъ освободить Англію, тогда я и самъ отправлюсь въ Техасъ.

— A la bonheur! — вскрикнулъ обрадованный Филиппъ Даниловичъ.

— Дренажъ-съ, временное дѣло, для расчистки мѣста и воздуха. Гдѣжъ имъ здѣсь остаться, Москва не Лондонъ, и то взяла всякихъ нѣмцевъ по дорогѣ, да и пошла въ Парижъ.

— Что-жъ изъ этого, или у васъ есть въ запасѣ какой нибудь Людвигъ XIX?

— Въ немъ не будетъ надобности.

— Евгеній Николаевичъ—сказалъ я помолчавъ—и все то это для того, чтобъ дойти до голландскаго покоя, и за эту похлебку изъ чечевицы проститься съ лучшими мечтами, съ святѣйшими стремленіями.

— А чѣмъ худо, замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ, снова показывая свои бѣлые зубы—ѣсть сельди да вафли, съ чистой совѣстью и такой-же салфеткой; въ домѣ, который только что выстирали, съ женой изъ рубенсовскихъ мясовъ, и кругомъ малъ мала меньше. Скидамъ, фаро и кюрасо, я больше ничего голландскаго не знаю. Ха, ха, ха, изъ чего бились всѣ эти Фурье да Овены!

— Не они одни, католики и протестанты, энциклопедисты и революціонеры... всѣ изъ чего бились? А ихъ трудъ, ихъ вѣра, ихъ борьба, ихъ гибель... это развѣ ничего? Вамъ еще надобно чтобъ и Вѣсь господня, и Feste Burg и фаланстеръ и якобинская республика, все-бы въ самомъ дѣлѣ осуществилось? Я помню... онъ пріостановился, и потомъ съ какимъ то внутреннимъ умиленіемъ, спросилъ меня: испытали вы, что чувствуетъ человѣкъ, когда онъ передаетъ свое воззрѣніе другому—и видитъ какъ оно всходитъ въ немъ?

— Все это хорошо, воля ваша, перебилъ ученикъ Гипократа, да какой-же прокъ съ наслажденіемъ переливать изъ пустого въ порожнее? Хлопотать-то изъ чего?

— Эхъ Филиппъ Даниловичъ, мы то съ вами изъ чего хлопочемъ, не дошли-же мы до того, чтобъ лечиться отъ смерти, а вѣдь гробовой-то покой, хуже голла-

ндскаго. Ну да ужъ вамъ и богъ проститъ, вы ортодоксъ. — А вотъ вы то какъ-же эдакъ спотыкаетесь? прибавилъ онъ обращаясь ко мнѣ, печально качая головой.

И потомъ вдругъ расхохотавшись своимъ нервнымъ, невеселымъ смѣхомъ, сказалъ: Я вспомнилъ теперь одну нѣмецкую книгу, въ которой разсказывается о труженическомъ существованіи крота, очень смѣшно. — Звѣрь маленькой, съ большими лапами, съ щелочками вмѣсто глазъ, роетъ въ темнотѣ, подъ землей, въ сырости, роется день и ночь, безъ устали, безъ рязсѣянія, съ страстной настойчивостью; до старости, едва перекуситъ какихъ нибудь зернушекъ да червячковъ и опять за работу, за то для дѣтей готова норка, и кротъ умираетъ спокойно, а дѣти то начинаютъ во всѣ стороны рыть норки для своихъ дѣтей. Какова заплатная цѣна за пожизненную земляную нную работу? Каково соотношеніе между усиліями и достигаемыъ? — ха, ха, ха, — самое смѣшное то въ томъ, что выстроивши свои отличные коридоры, переходы, стоившіе ему труда цѣлой жизни, онъ не можетъ ихъ видѣть, бѣдный кротъ!

Этой моралью моего поврежденнаго я и заключу первый отдѣлъ „Концовъ и Началъ“ и послѣдній мѣсяцъ 1862 года. Черезъ два дня новый годъ, съ которымъ тебя поздравляю, надобно набрать къ нему свѣжія силы, на кротовую работу, лапы чешутся.

29 Декабря 1862 г.

Письмо Восьмое.

Мужайся, стой и дай отвѣтъ!

...„Halte-là! — Stop!“ сказалъ мнѣ на этотъ разъ не поврежденный, а напротивъ, одинъ поправленный господинъ, входя въ мою комнату съ „Колоколомъ“ въ рукѣ. Я пришелъ къ вамъ объясниться. Ваши „Концы и Начала“ перешли всякую мѣру, пора честь знать и дѣйствительно положить имъ конецъ, сожалѣя о ихъ началѣ.

— Неужели до этой степени?

— До этой. Вы знаете — я васъ люблю, я уважаю вашъ талантъ...

Ну, подумалъ я, дѣло плохо, видно „поправленный“ не на шутку хочетъ меня обругать, а то не сталъ бы заѣзжать такими лестными апрошами.

— Вотъ моя грудь, сказалъ я, разите.

Мое самоотверженіе, смѣшанное съ классическимъ воспоминаніемъ, хорошо подѣйствовало на раздраженнаго пріятеля, и онъ съ болѣе добродушнымъ видомъ, сказалъ мнѣ: „Выслушайте меня покойно, безъ авторскаго самолюбія, безъ изгнаннической исключительности—къ чему вы все это пишете?“

— На это много причинъ — во-первыхъ я считаю истиной то что пишу, а у каждаго человѣка, неравнодушнаго къ истинѣ, есть слабость ее распространять. Во-вторыхъ... впрочемъ я полагаю, что и перваго достаточно.

— Нѣтъ. Вы должны знать публику, съ которой

говорите, ея возрастъ, обстоятельства, въ которыхъ она находится. Я вамъ скажу прямо. Вы имѣете самое пагубное вліяніе на нашу молодежь, которая учится у васъ неуваженію къ Европѣ, къ ея цивилизаціи — въ силу чего не хочетъ серьезно заниматься, хватаетъ вершки и довольствуется своей широкой натурой, т. е. распускающейся широко въ праздной болтовнѣ и поверхностномъ всезнаніи.

— У! какъ-же вы состарѣлись съ тѣхъ поръ какъ я васъ не видалъ, и молодежь браните и воспитывать ее хотите ложью, какъ няньки поучающія дѣтей, что новорожденныхъ приноситъ повивальная бабка и что дѣвочка отъ мальчика отличается покроемъ платья. Подумайте лучше сколько вѣковъ люди безбожно лгали съ нравственной цѣлью, а нравственности не поправили; отчего-же не попробовать говорить правду? Правда выйдетъ не хороша, примѣръ будетъ хорошъ. Съ вреднымъ вліяніемъ на молодежь — я давно примирился, взявъ въ расчетъ, что всѣхъ дѣлавшихъ пользу молодому поколѣнію, постоянно считали развратителями его, отъ Сократа до Вольтера, отъ Вольтера до Шеллея и Бѣлинскаго. Къ тому-же меня утѣшаетъ, что нашу русскую молодежь очень трудно испортить. Воспитанная въ помѣщичьихъ плантаторскихъ усадьбахъ николаевскими чиновниками и офицерами, окончившая курсъ своихъ наукъ въ казармахъ и канцеляріяхъ, она или не можетъ быть испорчена, или уже до того испорчена, что мудрено прибавить много какой-нибудь горькой правдой о Западѣ.

— Правдой !... Да позвольте васъ спросить, правда-то ваша въ самомъ-ли дѣлѣ правда?

— За это я отвѣчать не могу. Вы можете быть въ одномъ увѣрены, что я говорю добросовѣстно, какъ думаю. Если-жъ я ошибаюсь, не сознавая того, что-же мнѣ дѣлать? Это скорѣе ваше дѣло раскрыть мнѣ глаза.

— Васъ не убѣдишь — и знаете почему, потому что вы отчасти правы. Вы хорошій прозекторъ, какъ сами говорили и — и плохой акушеръ.

— Да вѣдь и живу-то я въ клиникѣ и въ анатомическомъ театрѣ.

— А пишите для воспитательныхъ домовъ. Дѣтей надобно учить, чтобъ они другъ у друга каши не ѣли, да не таскали бы другъ друга за вихры, а вы ихъ подчуете тонкостями вашей патологической анатоміи. Да еще приговариваете, вотъ молъ какія скверныя потрохи были у западныхъ стариковъ. Къ тому-же у васъ двѣ мѣры и два вѣса. Взялись за скальпель, ну и рѣжьте одинакимъ образомъ.

— Какъ-же это и живыхъ-то рѣзать? Страсти какія, да еще дѣтей! что-же я за Иродъ вамъ достался?

— Шутите какъ хотите, меня не собьете. Вы съ большой чуткостью произносите діагнозу современнаго человѣка, да только разобравши всѣ признаки хронической болѣзни, вы проповѣдуете, что все это произошло отъ того, что паціентъ французъ или нѣмецъ. А тѣ дома у насъ и въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что у нихъ-то и молодость и будущность. Все что намъ дорого въ преданіи, въ цивилизаціи, въ исторіи запа-

дныхъ народовъ — вы взрѣзываете безъ оглядки, безъ жалости, выставляя наружу страшныя язвы, и тутъ вы въ вашей прозекторской ролѣ. Но валандаться вѣчно съ трупами вамъ надоѣло. И вотъ вы, отрекшись отъ всѣхъ идеаловъ въ мірѣ, сотворяете себѣ новый кумиръ, не золотаго тельца, а бараній тулупъ, да и давай ему поклоняться и славословить его „Абсолютный тулупъ, тулупъ будущности, тулупъ общинный, соціальный!“ Вы, которые сдѣлали себѣ изъ скептицизма должность и занятіе, ждете отъ народа, ничего не сдѣлавшаго, всякую благодать, новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ, и въ ультра-фанатическомъ экстазѣ затыкаете уши, зажимаете глаза, чтобъ не видать что вашъ богъ въ грубомъ безобразіи уступаетъ любому японскому кумиру, у котораго животъ въ три яруса, носъ расплюснутъ до скулъ и усы сардинскаго короля. Вамъ что ни говори, какія ни приводи факты, вы „въ восторгѣ нѣкомъ пламенномъ“ толкуете о весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ, о многообѣщающихъ радугахъ, всходахъ! Чему-же дивиться, что наша молодежь, упившись вашей неперебродившей соціально-славянофильской брагой, бродитъ потомъ отуманенная и хмѣльная, пока себѣ сломитъ шею или разобьетъ носъ объ д ѣ й с т в и т е л ь н у ю дѣйствительность нашу. Разумѣется, что и ихъ какъ васъ протрезвить трудно — исторія, филологія, статистика, неотразимые факты, вамъ ни по чемъ.

— Позвольте, однако и я въ свою очередь скажу, надобно знать мѣру, какіе-же это н е с о м н ѣ н н ы е факты?

— Бездна.

— На примѣръ?

— На примѣръ фактъ, что мы Русскіе принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, genus europeum, и слѣдовательно по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той-же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами...

— Представьте себѣ, что и я не слыхалъ.

Я останавливаюсь на этомъ пріятномъ моментѣ полнаго согласія съ моимъ противникомъ, чтобъ снова обратиться къ тебѣ и отдать на твой судъ таковыя до чести и добродѣтели моихъ посланій относящіяся нарѣканія.

Грѣхъ мой весь въ томъ, что я избѣгалъ догматическаго изложенія, и можетъ слишкомъ полагался на читателей, это привело многихъ въ искушеніе и дало моимъ практическимъ противникамъ орудія противъ меня —разныхъ заколовъ и не одинаковой чистоты. Постараюсь сжать въ рядъ афоризмовъ основы того воззрѣнія, на которыя опираясь, я считалъ себя вправѣ сдѣлать тѣ заключенія, которыя передавалъ какъ сорванныя яблоки, не упоминая ни о лѣстницѣ, которую приставлялъ къ дереву, ни о ножницахъ, которыми стригъ. Но прежде чѣмъ я примусь за это, я хочу тебѣ показать на одномъ примѣрѣ, что мои строгіе судьи, не то чтобъ были очень хорошо подкованы. Ученый другъ, приходившій возмущать покой моей берголи, принимаетъ какъ ты видѣлъ за несомнѣнный фактъ, за не-

измѣнный физіологическій законъ, что если русскіе принадлежатъ къ европейской семьѣ, то имъ предстоитъ таже дорога и тоже развитіе, которое совершено романо-германскими народами; но въ сводѣ физіологическихъ законовъ такого § не имѣется.

Это мнѣ напоминаетъ чисто московское изобрѣтеніе разныхъ учрежденій, постановленій, новостей, въ которыя всѣ вѣрятъ, которыя всѣ повторяютъ, и которыя между прочимъ никогда не существовали. Одинъ мой знакомый называлъ ихъ законами англійскаго клуба.

Общій планъ развитія, допускаетъ безконечное число варіацій непредвидимыхъ, какъ хоботъ слона, какъ горбъ верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему собаки — волки, лисицы, гончіе, борзые, водолазы, моськи... Общее происхожденіе нисколько не обусловливаетъ одинаковость біографій. Каинъ и Авель были родные братья, а какія разныя карьеры сдѣлали. Тоже самое во всѣхъ нравственныхъ родахъ или общеніяхъ. Все христіанское имѣетъ сходныя черты въ устройствѣ семьи, церкви и пр., но нельзя сказать, чтобъ судьба англійскихъ протестантовъ была очень сходна съ судьбой абисинскихъ христіанъ, или чтобъ очень католическая австрійская армія была похожа на чрезвычайно православныхъ монаховъ аѳонской горы. Что утка не дышетъ жабрами, это вѣрно, еще вѣрнѣе что кварцъ не летаетъ какъ колибри. Впрочемъ ты вѣрно знаешь, а ученый другъ не знаетъ, что въ жизни утки была минута колебанія, когда аорта не загибалась своимъ стержнемъ внизъ, а вѣтвилась съ притязаніемъ на жабры,

но имѣя физіологическое преданіе, привычку и возможность развиться, утка не останавливалась на бѣднѣйшемъ строеніи органа дыханія и переходила къ легкимъ.

Это значитъ просто на просто, что рыба *приладилась* къ условіямъ водяной жизни и далѣе жабръ не идетъ, а утка идетъ. Но почему-же это рыбье дыханіе должно сдунуть мое воззрѣніе, этого я не понимаю. Мнѣ кажется, что оно напротивъ объясняетъ его. Въ „genus europeum“ есть народы состарѣвшіеся безъ полнаго развитія мѣщанства—(Кельты, нѣкоторыя части Испаніи, южной Италіи и пр.)—есть другіе, которымъ мѣщанство такъ идетъ какъ вода жабрамъ—отчего-же не быть и такому народу, для котораго мѣщанство будетъ переходнымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ, какъ жабры для утки?

Въ чемъ-же состоитъ та злая ересь, то отпаденіе отъ своихъ собственныхъ принциповъ, отъ непреложныхъ законовъ міросданія и отъ всѣхъ божественныхъ и человѣческихъ ученій и уставовъ, что я не считаю мѣщанства окончательной формой русскаго устройства, того устройства, къ которому Россія стремится и, достигая котораго, она можетъ пройдетъ мѣщанской полосой. Можетъ, народы евронейскіе сами перейдутъ къ другой жизни, можетъ—Россія вовсе не разовьется, но именно потому что это *можетъ быть—можетъ быть* и другое. И тѣмъ больше, что въ томъ череду какъ стали вопросы, въ случайностяхъ мѣста и времени развитія, въ условіяхъ быта и жизни, въ постоянныхъ *складкахъ* характера, бездна указаній.

Народъ русскій, широко раскинувшійся м е ж д у Европой и Азіей, принадлежащій какимъ-то двоюроднымъ братомъ къ общей семьѣ народовъ европейскихъ, онъ одинъ не принималъ почти никакого участія въ длинной семейной хроникѣ Запада. Сложившійся туго и поздно, онъ долженъ внести или свою полную неспособность къ развитію или развить что нибудь свое подъ вліяніемъ былаго и заимствованнаго, сосѣдняго примѣра и своего угла отраженія.

До нашего времени Россія ничего не развила своего, но кое-что сохранила; она какъ потокъ отражала, верхнимъ слоемъ, тѣснившіе ее берега, отражала ихъ вѣрно, но поверхностно. Вліяніе византійское можетъ было самое глубокое; остальное шло по петровски, брилась борода, стриглись волосы, рѣзались полы кафтана, народъ молчалъ, уступалъ, меньшинство переряжалось, служило, — а государство, которому дали общій европейскій чертежъ — росло, росло... Это обыкновенная исторія ребячества. Оно окончилось. Въ этомъ никто не сомнѣвается, ни Зимній Дворецъ, ни Юная Россія. Долгій ростъ пришелъ къ концу, пора облечься въ тогу совершеннолѣтія, стать на свои ноги, за чѣмъ-же непремѣнно на деревянныя, потому что онѣ иностранной работы? За чѣмъ же въ блузу, когда есть своя рубашка съ косымъ воротомъ?

Мы досадуемъ на бѣдность силъ, на узкость взгляда правительства, которое въ своей безплодности, усовершаетъ нашъ бытъ тѣмъ, что вмѣсто черно-желтой Zwangsjacke, въ которой насъ пасли полтораста лѣтъ, надѣваетъ трехцвѣтную camisole de force, шитую по

парижскимъ выкройкамъ. Но тутъ не правительство, а мандарины литературы, сенаторы журнализма, „баньосы“ политической экономіи и иныхъ каѳедръ, проповѣдуютъ намъ, какъ мой ученый другъ, что ужъ такой неизмѣнный законъ физіологіи, принадлежишь къ genus europeum, такъ и продѣлывай всѣ старыя глупости на новый ладъ, что и мы бѣдные какъ бараны, должны спотыкнуться на той-же рытвинѣ, упасть въ тотъ-же оврагъ, и сѣсть потомъ вѣчнымъ лавочникомъ, и продавать овощь другимъ баранамъ.

Пропадай онъ совсѣмъ этотъ физіологическій законъ! — и отчего-же это Европа была счастливѣе, ее никто не заставлялъ da capo играть роль Греціи и Рима?

Въ природѣ, въ жизни, нѣтъ никакихъ монополей, никакихъ мѣръ для предупрежденія и пресѣченія новыхъ зоологическихъ видовъ, новыхъ историческихъ судебъ и государственныхъ формъ, предѣлы ихъ однѣ невозможности. Будущее импровизируется на тему прошедшаго. Не только фазы развитія и формы быта измѣняются, но создаются новые народы и народности, которыхъ судьбы идутъ иными путями. На нашихъ глазахъ, такъ сказать, образовалось новое различіе, varietas сводно-европейская въ Сѣверной Америкѣ. Не только бытъ, нравы, пріемы американцевъ развили свой особый характеръ, но наружный типъ англо-саксонскій и кельтическій измѣнился за Океаномъ до того, что американца почти всегда узнаешь. Если достаточно было новой почвы для старыхъ людей, чтобъ изъ нихъ сдѣлать своеобразный, характеристическій народъ

—почему-же народъ, самобытно развившійся, при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ западныя государства, съ иными началами въ бытѣ, долженъ пережить европейскіе зады, и это — зная очень хорошо къ чему они ведутъ?

Да, но въ чемъ-же эти начала?

Я говорилъ много разъ въ чемъ, ни разу не слышалъ серьезнаго возраженія, и всякой разъ опять слышу одни и тѣже возраженія, добро-бы отъ иностранцевъ, а то отъ русскихъ...

Дѣлать нечего, повторимъ и ихъ опять.

15 Января 1863 г.

Библиотека